

УСТИНУШКА МАЛЕИН

По книге «МОИ ВОСПОМИНАНИЯ» И.М.Малеина

ПОДГОТОВИЛА И.И.СЕРАПИНИЕЕНЕ

ДЛЯ ДЕТЕЙ СРЕДНЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ стр. 3

Судьба моего отца. Архиерейский певчий. Дьячок при церкви пророка Божия Илии.

ГЛАВА ВТОРАЯ стр. 5

Время и место моего рождения. Ласка и баловство бабушки. Новые бедствия отца. Ранение глаза. Странный случай с коровой. Пожар в селе Кушалине.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ стр. 9

Новая изба. Зимнее освещение. Спички. Определение времени по петухам. Поимки вора. Парение в печи. Простая крестьянская пища. Стеснения в Великий пост. Говельщики. Кросна. Мой друг детства Иван Николаевский. Лакомство глиной.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ стр. 15

Обучение грамоте. Слоги двойные и тройные. Слова под титлами. Часослов и Псалтирь. Обучение письму. Хождение в церковь. Твёрдое усвоение славянского языка.

ГЛАВА ПЯТАЯ стр. 19

Сборы в духовное училище. Прощание с родными. Первые впечатления от Твери. Квартира, визиты к ректору и учителю. Первое посещение класса. Урок чистописания.

ГЛАВА ШЕСТАЯ стр. 24

Жизнь в Твери. Варгазинские калачи. Класс пения. Розги. Очередные ученики. Мой неудачный дебют. Поведение в церкви.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ стр. 27

Первые рождественские вакации. Славление вместе с отцом. Помещики Кегели. Помещики Храмцовы. Пётр Григорьевич. Деревня Ведново. Жизнь крестьян зимой. Игры у проруби. Занятия пением с отцом.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ стр. 33

Возвращение в Тверь. Первая пасхальная вакация. Службы Страстной недели. Опять хождение по приходу. Хороводы. Угощение крестьян. «Трапеза благочестивых и трапеза нечестивых». Отъезд в Тверь. Волга в разливе. Учение после Пасхи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ стр. 42

Приготовления к публичному экзамену. Цветы. Торжество. Летние каникулы. Новая квартира. А.Т. Городецкий. Кривая колодка. Климентий Алексеевич. Обвал потолка в классной комнате. Путешествие домой пешком на Пасху.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ стр. 49

Третий класс. Ваня Николаевский поступает в архиерейские певчие. Древние языки. Нотата . Я избираюсь в аудиторы и подвергаюсь сечению. Инспектор Д.П. Волков. Холера. «Купались, мальчики, купались». Переход в семинарию.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Судьба моего отца. Архиерейский певчий. Дьячок при церкви пророка Божия Илии.

Дед мой по отцу был священником в селе Застолбье Бежецкого уезда; имя его Иоанн. Он имел пять сыновей, и все сыновья его были священниками и гражданскими чиновниками, а отец мой, Михаил -- только дьячком. Когда отцу исполнилось восемь лет он, как и все его братья, поступил в Тверское Духовное училище. В то время дети духовенства (сыновья) обязаны были обучаться в духовных школах. Господь даровал ему прекрасный голос, тенор, и этот голос принёс ему сначала успех, а потом несчастье. На втором году по поступлении ученика Михаила Малеина в духовное училище, пришёл в класс регент архиерейского хора и начал пробовать голоса учеников. У Михаила Малеина оказался очень хороший тенор, и регент тотчас зачислил его в хор певчих архиепископа Тверского Серафима.

Владыка Серафим очень любил своих маленьких певчих. Нередко наблюдал за их игрой в бабки¹, наделяя их при этом пряниками и конфетами, а иногда и сам принимал участие в игре. Через некоторое время владыку Серафима назначили членом Святейшего Синода и он отправился в Санкт-Петербург, куда взял с собою и своих лучших певчих, в том числе и Малеина. Сколько всего нового, необычного увидел Михаил Малеин в большом городе, сколько всего интересного примечал он вокруг! Вольготно жилось архиерейским певчим в Петербурге. Одевали их роскошно, они носили сюртуки из дорогого сукна и манишки из голландского полотна. Кормили юных певчих вкусно и сытно. Зимой, в холода их возили к архиерейской службе в карете, чтобы не испортился голос. Всё шло так прекрасно, но ничто не вечно на земле.

Когда моему отцу исполнилось 16 -17 лет, у него стал ломаться голос, и оставаться в хоре певчим он уже не мог. Тогда он вернулся в Тверь и поступил причетником² в церковь села Бережай Бежецкого уезда, где и служил до совершеннолетия. По достижении возраста, дающего право жениться и быть священником, мой отец обратился с просьбой об определении в священники, но получил отказ. Не желая возвращаться в село Бережай, со слезами на глазах пошёл он в Твери в Духовную консисторию, где узнал, что в селе Кушалине имеется свободное «праздное», причетническое место со взятием в замужество дочери бывшего священника Матвея Лебедева Марии Матвеевны. Отец отправился в Кушалино, где, посмотрев на невесту, изъявил желание вступить с нею в супружество и занять место дьячка, с обязательством кормить тещу Федосью Яковлевну и двух своячениц, сестёр моей матушки, Наталью и Анну.

Причетнический доход от церкви и прихода составлял не более 70 рублей ассигнациями (20 рублей серебром) в год, а кроме этого, весь причт пользовался казенною землёю. Каждый причетник мог высевать ржи от 10 до 14 мер, жита (ячменя) 6 - 8 мер и овса до 16 мер. Урожай от таких посевов и составлял единственную поддержку к существованию. Но само собой разумеется, чтобы получить хороший урожай, нужно и землю хорошо обработать. И вот, мой отец вместе с семейством взялся за крестьянские работы. Сначала всё у него не ладилось: не умел отец ни справиться сохи, ни направить косы, ни пахать, ни косить, но надо было учиться и привыкать, иначе -- голод и безвыходное положение. Отец

¹ Игра в бабки – игроки соревновались в ловкости бросания «бабок», коротких толстых палочек.

² Причетник – младший церковнослужитель.

ко всему привык и всему научился, хотя, конечно, не так, как природный крестьянин. Отец сам пахал, сам сеял хлеб, молотил, косил траву, убирал сено, а мать моя и все семейство отца помогали ему в работах, и при этом отец мой никому никогда не жаловался на свое бедное положение; постоянно был весел, любил говорить со всеми и шутить. Про себя говорил: «Мишутка любит шутки». Очень любил он людей разговорчивых, а о молчаливых отзывался: «У них дубовые языки». Зато все и любили моего отца!

В селе Кушалине были два священника, дьякон, два дьячка и два пономаря. Служба при двухкомплектном причте³ была не особенно тяжела, так как священники служили по очереди, а причетники могли и не все присутствовать на службе, за исключением царских дней. Так назывались дни рождения и тезоименитства не только Государя Императора и Государыни Императрицы и Наследника, но и всех Великих князей и княгинь. В эти дни, а их было немало, служба в церкви отправлялась обязательно, и к молебну обязан был весь причт полностью являться в церковь. Один из таких дней торжественных был в конце мая или в начале июня, и отцу моему крайне необходимо было вспахать свой надел земли, который находился версты за две с половиной от села. Ещё до восхода солнца отправился отец в поле, надеясь вспахать всё до молебна, так как он обязательно должен был находиться в церкви во время царского молебна. Во время работы отец услышал благовест⁴ к обедне⁵, затем звон «Во вся», далее опять звон к «Достойно», а между тем полоса земли остается невспаханною. Тут отец мой, видя, что ему не докончить пахоты, оставил в поле лошадь и соху и побежал в село, в церковь. В селе спрашивали отца: «Михаил Иванович! Куда так бежишь, всё ли благополучно?» Отец отвечал: «Некогда, некогда, спешу на царский молебен!» Тут уже зазвонили к молебну. Отец ускорил бег и в чем пахал (домотканый пониток, босиком) побежал к церкви... Едва добежав до церковной двери, он упал без сил на пороге и прошептал: «Слава Богу -- поспел, поспел!» А в это время другой дьячок, Иван Степанович Садиков, тянул на правом клиросе: «Многая лета». Богомольцев по случаю полевых работ в церкви никого не было. Отец остановился на паперти, чтобы, как говорил, перевести дух и показаться священнику, что был у молебна. Когда весь причт выходил из церкви и дошел до паперти, отец мой подошёл под благословение к священнику. Тот спросил его: «Что стоишь тут, Михаил Иванович? Никак ты не был у молебна?» -- «О нет, нет, я был! -- отвечал отец. -- И до сего времени не могу опомниться; с поля до самой церкви все бегом бежал. Чуть душа-то вон из тела не вышла. В дверях упал, а Иван Степанович тянул: «Мно-о-о- гая лета». Отец в этот день был уже не в состоянии что-либо делать.

³ Причт – причисленные к данному храму: священнослужители (священник, дьякон) и церковнослужители (дьячок, псаломщик, пономарь).

⁴ Благовест – разновидность колокольного звона перед Литургией.

⁵ Обедня – народное название богослужения Литургии.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Время и место моего рождения. Ласка и баловство бабушки. Новые бедствия отца.
Ранение глаза. Странный случай с коровой. Пожар в селе Кушалине.

Трудно было отцу моему содержать и кормить свою семью, которая все прибывала. Сначала родилась одна дочь, потом другая, третья, сыновей же пока не было ни одного, а родителям моим крайне хотелось иметь сына, и вот последовало моё рождение. Родился я в 1834 году, 20 мая, ночью на 21 мая, в селе Кушалине Тверского уезда. Родители мои были очень обрадованы появлению моему на свет Божий и нарекли мне имя Иустин, а крёстным отцом был приглашён местный священник отец Иоанн Судаков. Родился я хилым, слабым и капризным. Меня все баловали и ухаживали за мной, преимущественно же бабка Федосья Яковлевна, так как мать моя, Марья Матвеевна, постоянно была при занятиях по хозяйству, а весной и летом, до осени, с раннего утра до поздней ночи находилась в поле при работах. Помню, бабка мне рассказывала, как я, будучи двух с половиной-трёх лет, в одну из пятниц (день постный) начал просить у нее блинов (ячменных, других не пекли) часов в шесть или семь вечера. «Бабушка, дай мне блинков!» -- «Дитятко, Устинушка, сегодня пятница, -- говорила бабушка, -- грех блины есть...» -- «Дай, хочу блинов!» -- «Какие теперь блины, Устинушка? Блины пекут утром, а теперь скоро ночь...» Этот разговор происходил на улице, и я, получив отказ, лёг на землю и начал реветь, приговаривая: «Бабушка, хочу блинов!» Рядом с нами жил священник и мой крестный отец И.Ф. Судаков. Услышав мой плач, он подошел к бабке и спросил её: «Федосья Яковлевна! Что у тебя крестник-то мой так плачет?» -- «Да вот, батюшка отец Иван, блинов просит, -- отвечала бабка, -- а какие теперь блины? Печь топилась рано утром, да сегодня и пятница.» -- «Ну что же делать! Испеки ему как-нибудь -- ведь не поймёт!» -- сказал отец Иоанн. Тогда бабка замесила что-то в большой железной ложке-поварёшке, которую всегда наливала щи и похлёбку (слово «суп» нам было неизвестно), поставила ложку в печь, подержала месиво в печке, вынула, дала мне, я поел и успокоился -- очень довольный.

Так проходила труженическая жизнь моих родителей, а среди таковой жизни случались и несчастья. Однажды, во время сенокоса отец уколол глаз сухой травинкой, отчего у него появилось на глазу бельмо, и столь сильное, что отец несколько недель принуждён был сидеть в тёмной комнате. Для лечения глаза употреблялось настолько сильное лекарство, что с отцом случались обмороки; по этой причине он перестал пользоваться лекарством, а в глазу навсегда осталось маленькое бельмо. Затем последовали новые несчастья на нашу семью. Но прежде приключилось странное происшествие. Кто-то приехал к отцу на телеге, поставил лошадь у ворот, со стороны дороги, и к самым воротам, посередине, бросил сено для лошади; подворотни же положено не было. Лошадь стала есть сено, часть которого попала и под ворота; на дворе в это время находилась корова, увидав клочки сена, она подошла к воротам, начала лизать языком и доставать сено из-под ворот и так далеко высунула язык, что лошадь вместе с сеном откусила ей весь язык. Так корова и пропала, лишившись языка. Отец мой, увидев это, со слезами пришел в избу и сказал: «Не к добру, мать (так звал он жену), не к добру это, будет нам какое-нибудь большое горе!» Действительно, на другой день, а именно 19 июля 1838 года, накануне храмового праздника святого пророка Божия Илии, случился пожар в селе Кушалине. Одна бобылка, жившая на краю села, затопила утром печь в своей избе, а сама ушла к колодцу за водою. Изба была чёрная, то есть печь не имела трубы, а в потолке было большое отверстие, через которое проходил дым во время топки; над устьем печи, на подставках, положено

было несколько сучьев и тонких полешек для просушки. Около колодца бобылка⁶ встретила других баб, пошел разговор за разговором...

Когда бобылка подошла с водою к своей избе, дрова, положенные над печью, уже загорелись. Искры вместе с дымом устремились вверх, в отверстие в крыше и через него стали вылетать и падать на крышу. Увидев это, солдат Бежецкого уланского полка, который проходил из Бежецка в Тверь и ночевал в селе, хотел выбить оконную раму и войти в избу, но бобылка закричала: «Не бей, не бей рамы! Рама-то новая. Обойди кругом!» Пока солдат обегал избу кругом, подставки у дров подгорели и все дрова упали на шесток, и сразу сильное пламя огня вырвалось на крышу, крыша была соломенная и моментально загорелась. Стояла жара, подул сильный ветер, и, вот, сразу вспыхнуло несколько домов. Время было рабочее -- страдное, весь народ из села уже ушёл или уехал в поле, в домах оставались только старые да малые. Огненное облако накрыло село. О спасении имущества нечего было и думать. Сгорела старинная деревянная церковь во имя святого пророка Божия Илии. Крыша на ней была из досок -- не пиленых, а колотых из целых брёвен. Обгорел иконостас в старинной каменной церкви во имя Смоленской иконы Божией Матери Одигитрии, построенной в 1593 году Симеоном Бекбулатовичем⁷, сосланным Борисом Годуновым в Кушалино в заточение. Колокола с колокольни все упали; малые растопились и медь ушла в землю. Большой колокол в сто два пуда хотя упал, но остался цел. Благодаря усердию пономаря Арсения Васильевича Николаевского и ещё нескольких жителей местные иконы из иконостаса были вынесены и спасены, хотя не все. Всего, за весьма короткое время, часа за два, сгорело более ста дворов из ста пятидесяти, не считая холостых, то есть нежилых, построек. Уцелело от пожара не более сорока дворов за рекою Кушалкой, и то благодаря старанию солдат уланского полка. Солдаты пиками и другими орудиями раскидали мост через Кушалку и тем прекратили огонь.

Трудно описать то бедствие, которое претерпели жители села. Все они готовились встретить Ильин день, варили пиво, мыли избы, покупали угощение. И вот вместо праздника их постигло такое горе. Боже мой, какой хаос представляли собой село, речка Кушалка и вся окружающая местность! Тут валяется разное платье, около которого плачут дети; здесь, в реке плавают бочонки и кадки с пивом, которое вытекает из них прямо в воду; повсюду разбросан разнообразный скарб⁸ домашний; далее горят сараи, гумна, бани, видны вывезенные телеги со сломанными осями и наваленные разным хламом. И среди всего этого бегают люди, как безумные, а некоторые бросаются в реку, чтобы остынуть от охватившего их жара.

Мне было тогда четыре года, и не знаю, как очутился я на берегу речки; передо мною в решете были житные блины и, сидя на каком-то платье, я смотрел вокруг и плакал. Невдалеке от меня, впереди, горел хлебный амбар; по правую сторону изгороди расставлены были святые иконы, вынесенные из церквей, а по левую горел ряд домов и затем деревянная церковь во имя святого пророка Божия Илии. Очень хорошо помню, как пламя разных цветов (красного, зеленого), вероятно, от красок, которыми были окрашены церковные купола, поднималось высоко-высоко; мне стало и страшно, и грустно, и я

⁶ Бобылка – одинокая, бессемейная женщина.

⁷ Симеон Бекбулатович – сын Бек-Булата султана Ногайской орды. В 1573 году крестился с именем Симеон. В 1576 году взял в жёны княгиню Анастасию Мстиславскую.

⁸ Скарб – домашние вещи, имущество, пожитки.

плакал, а около меня никого не было из домашних; они спасали что могли. К крайнему прискорбию, отца моего в это время не было дома. Рано утром он повёз на своей лошади священника в село Славново за 14 верст. Возвращаясь назад, они встретили одного крестьянина, который, остановив отца, сказал: «Поезжай скорей домой, Михаил Иванович! У тебя большое, большое горе. Дом твой со всеми постройками дотла сгорел, да, говорят, и хозяйка твоя тоже сгорела!» Выслушав такое печальное известие, отец мой погнал лошадь и не помнит, как и доехал. Дом отца стоял в центре села, близ церкви, и отцу приходилось ехать до дома более полуверсты. Въехав в село, он пришел в ужас. На месте домов видны были в некоторых местах полуразвалившиеся печи, в других -- догорающие брёвна, в третьих -- один горящий пепел, раздуваемый ветром; дорога по улице завалена горящими головнями; изредка встречался отцу народ, бродивший около бывших своих домов; женщины плакали. Не без труда доехал отец до бывшего своего дома, и тут, вместо дома, увидел развалившуюся печь, догорающие бревна и около них бродившую без сознания, в одной рубашке, мать мою Марию Матвеевну. Увидев её, отец закричал: «Мать! Ты жива? Ну слава Богу, слава Богу!» Начал креститься и заплакал, произнося всё: «Слава Богу, слава Богу! А ведь мне на дороге сказали, что ты, мать, сгорела. Ну слава Богу, жива, жива!»

Вот когда настало действительно безвыходное положение отца с семейством из семи человек. Он лишился своего дома, благоустроенного ещё дедом моим по матери, со всеми постройками: гумном, сараем, амбаром и прочим. Семья наша лишилась почти всего своего достояния. О страховании дома и имущества тогда и понятия не имели. Не без слёз вспоминаю об этом и теперь, при писании этих строк!

Наступала ночь, и нужно было искать пристанища. Отец пошел в уцелевшую часть села и стал просить у крестьян угла для себя с семейством. Прихожане очень любили отца, и вот один крестьянин, Алексей Васильевич Говядинка, имевший две избы, а в середине их светелку, уступил ее нам для жительства. Не упомяну, как мы в ней размещались, но было ещё лето, и, вероятно, все спали в разных местах.

На следующий день наступил праздник пророка Божия Илии (20 июля / 2 августа), а служить было негде. Церковный причт поставил на колыях вынесенные из церкви иконы и отслужил часы и молебен⁹ пророку Илии. Многие плакали.

Первое время после пожара, вставши утром, я прежде всего смотрел на место сгоревшего нашего дома, на пепелище, откуда несколько дней курился дым от догоравших головней. Я говорил матери: «Маменька, маменька! Из нашего дома-то всё время дым идёт». А она отвечала: «Молись, дитятко, чтобы Господь Бог послал нам избу!» И вот я встану на коленки и начну молиться: «Пошли нам, Господи, избу! Создай нам, Господи, избу!» Не находя никакого способа к выходу из поистине тяжёлого положения, отец мой начал разъезжать по деревням прихода и просить у зажиточных прихожан дать ему, сколько могут, займы денег. При этом отец плакал, объясняя своё безвыходное положение и кланялся земно. В деревне Веднове нашлись двое крестьян -- Иван Спиридонов и Терентий Васильев, которые сжалились над отцом и дали ему сколько-то денег займы. За такое одолжение эти люди стали постоянными гостями у отца, во все праздники приходили они, пили и ели, как дома. Конечно, деньги им отец уплачивал по частям.

⁹ Часы, молебен – виды богослужения.

Бабка моя по отцу, жившая у сына-чиновника в городе Кашине, приехала к отцу, привезла столько-то денег и кое-что из платья, а затем отправилась в село Застолбье, где дед был священником, к помещикам Застолбенского прихода господам Трубниковым с просьбой оказать помощь её сыну. Трубниковы, помня службу деда и уважая бабку как женщину умную, пожертвовали ей для отца свою баню. Баню эту отец перевозил в Кушалино за десять вёрст¹⁰ и уже на месте нарубил он несколько венцов вверх, и составила изба. До пожара наш дом находился в центре села, близ церкви, как бывший дом священнический и старинный, а после пожара отцу отвели место для стройки около поля, на самом краю села, где не было никакого строения. Отец и вся семья очень грустили об этом, так как по целым дням мы иногда и людей-то рядом не видывали.

В свою избу мы перешли около праздника Покрова Пресвятой Богородицы (1/14 октября)¹¹. Перед самым концом стройки с отцом произошел курьёзный и неприятный случай. Когда крыли крышу на избе, отец, осмотрев работу, начал слезать сверху по лестнице, довольно высокой и крутой; на верхней ступеньке лестницы он не заметил большого плотничьего, очень острого, топора. Только отец ступил на последнюю ступеньку, как топор этот сорвался с верхней ступеньки и упал прямо на мягкую часть сидалища отца с такой силой, что чуть не отрубил ягодицу. Кровь фонтаном хлынула из раны; отец упал и был приведен в дом почти без чувств. Его уложили в постель, обвязали рану. Выздоровливал отец довольно долго...

¹⁰ 1 верста – приблизительно 1 км 66 м

¹¹ В России в 19 веке в гражданском обществе и в церкви использовали один календарь – юлианский. С 1 февраля 1918 года государство стало использовать григорианский календарь. Русская Православная Церковь продолжает пользоваться юлианским календарём и в наши дни. Разница между датами этих двух календарей составляет 13 дней.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Новая изба. Зимнее освещение. Спички. Определение времени по петухам. Поимки вора.
Парение в печи. Простая крестьянская пища. Стеснения в Великий пост. Говельщики.
Кросна. Мой друг детства Иван Николаевский. Лакомство глиной.

Изба наша была не более восьми аршин¹² длиною и шириною; в ней устроили полати и сделали из глины простую большую печь. Окон было три, рамы были, простецкие. Зимой стёкла во всю раму покрывались льдом не менее вершка, а к низу и много более, так что ничего не было видно, что делается на улице, да и солнце-то было едва видно. На ночь окна закрывались ставнями, неплотно приделанными к рамам, но всё-таки лёд сильно оттаивал и с окон текли ручьи на пол. Любимым занятием моим было сесть около окна и откалывать ножиком лёд, и лизать его, как леденец, за что, впрочем, всегда меня бранили.

По стенам избы с двух сторон были лавки: одна длинная, две короткие. От печи до передней стены была устроена перегородка, и место это называлось чуланом. Около перегородки, с наружной стороны, стояла скамейка; в переднем углу божница с иконами¹³ и простой белый стол. Вот и все убранство нашего дома. Изба была холодная; пол одинарный, со щелями; только и житья было что на печке да на полатах. На полати в большие холода забиралась вся семья. Лежишь, лежишь зимой на печке, вспотеешь и начнешь по брусу, на котором держались полати, перебираться на полати. Они были устроены почти в уровень с печкой на расстоянии чуть более аршина от неё и до самой стены. Отец и мать, когда видели меня перебирающимся по брусу на полати, всегда со страхом кричали: «Устинушка, осторожнее, не упади!» Бог миловал -- не падал.

Для освещения употреблялась исключительно лучина -- сосновая и берёзовая. Сосновая лучина давала много копоти и дыма, а от берёзовой хотя свет был и ярче, чем от сосновой, но дым был более едкий. У передней стены, около лавки, между окон, ставился светец: толстый кол, в который сверху втыкался железный прут, разветвлённый на три или четыре конца, а по сторонам две скобки с отверстиями; в прут и скобки вставлялась зажженная лучина. Под светцом ставилась лохань с водою, куда падали уголья. Изготовление лучины лежало на обязанности отца и производилось каждодневно довольно продолжительное время, с большим стуком. В его же обязанность входило и наблюдать за светцом -- зажигать лучину и смотреть, чтобы она не упала.

Огонь добывал также отец -- огнивом и кремнём. От удара кремнём по огниву высекались искры. Они попадали на прут и разгорались. Прут -- истлевшая тряпка, его заготавливали заранее, когда сжигали ненужное тряпье. В тлеющий прут втыкали самодельную спичку, спичка загоралась. Спички изготавливались в каждом доме. Сначала изготавливали тоненькие, длиною вершка¹⁴ два с половиной лучинки, потом разогревали на огне горючую серу и в неё обмакивали лучинки. Этим производством также большей частью занимался отец. Бывало, мать говорила ему: «Михаил Иванович! Нет ни одной спички. Насерь спичек!» Появление в продаже спичек очень обрадовало отца. Он говорил:

¹² 1 аршин – примерно 71см

¹³ Божница – полка с иконами.

¹⁴ 1 вершок – примерно 4,5 см

«Вот хорошая выдумка! Для всех хорошо, теперь и вора́м житьё -- чиркнул спичку, везде осмотри и делай что хочешь!»

Долгими зимними вечерами бабка, мать, тётка моя и сёстры сидели за прялками. Сначала они расчёсывали гребнями льняную кудель, а потом – пряли. Я грелся на печи и смотрел, как пряжи одной рукою вытягивают пряди из кудели, а другой -- вертят веретёна и пряди эти скручиваются в нить, и получается пряжа.

Часов у нас не было. Время определялось по пению петухов. Первое пение петуха считалось в полночь; второе -- около двух часов пополуночи, третье -- около трех часов, затем следовало довольно частое пение петухов, что означало приближение света. Отец обыкновенно вставал раньше всех и начинал будить мать, свояченицу: «Вставайте! Петухи часто-часто поют, скоро свет!» Если никто не вставал, отец повторял: «Мать, Марья, Анна, Ольга, Катя, Федосья Яковлевна, вставайте все, петухи блажью поют! Совсем свет!» Затем отец в расчёте на меня, говорит: «Мать, затопляй печку да испеки Устинушке блинчиков, давно не пекла!» -- «Ладно, ладно, испеку, Михаил Иванович, не беспокойся!» -- отвечала мать. Услышав такой разговор, и я встаю с полатей и бегу к матери; печка уже начинает топиться. «Маменька, маменька! Посади меня на шесточек (около самого устья печи с правой или левой стороны) и испеки блинчек!» Мать берет меня, сажает на шесток, и я, поджавши ноги, сижу и с нетерпением жду, когда маменька нальёт на сковородку блинный раствор; вот -- налила... «Маменька, скоро ли?! Скоро ли поспеет?» -- «Сию минуту, дитятко!» Вот, поспел блин! Мать снимает его со сковородки и кладет на единственную уцелевшую от пожара оловянную тарелку, поставленную мне на колени, мажет блин гусиным салом, и я ем. Сколько было радости сидеть на шестке, видеть, как пекутся блины, и есть! Трудно описать! Поевши блинов, опять отправляюсь на печь, с печи -- на полати...

Отец очень любил гусей и постоянно их разводил. «Люблю, -- говаривал, -- гусей, они хорошие сторожа и красивая птица. Выйдешь ночью на двор, кашлянёшь, а они все закричат: га-га-га -- сердце радуется!» И действительно, гуси доказали отцу, что они хорошие сторожа. Они помогли ему изловить вора. Дело было так. 13 сентября, года не упомню, отец услышал после полуночи на дворе громкий крик гусей. Выбежав моментально во двор с зажженной лучиной, он увидел бегающих по двору в каком-то беспокойстве овец. Гуси продолжали кричать. Осмотрев двор, отец увидел, что задние ворота отворены; на сеннике было развешано для сушки бельё, его не оказалось, не хватало также и одной овцы. Тогда отец, вернувшись в избу, разбудил всех и сказал: «У нас неладно! Воры были». Обращаясь к матери, отец прибавил: «Пойдём, мать, ловить вора, сряжайся, а я пока схожу к пономарю Арсению Васильевичу и попрошу его отправить заутреню вместо меня». (14/28 сентября -- праздник Воздвижения Честного Креста Господня.) Упросив пономаря отправить службу, отец опять пришёл звать маменьку пойти ловить вора и, как она ни отказывалась, настоял на своём, и они отправились по направлению к деревне Бухолово по единственной дороге, идущей от избы. Было темно и холодно, но отца это не смущало, несмотря на ворчание матери, что ей холодно и напрасно они идут. Отошедши от дома около версты, они подошли к кустарнику, растущему при дороге в низине. Местные жители знали это болотце и объезжали его. И здесь отец и мать услышали, что кто-то в болоте кричит на лошадей: «Ну, ну!» Подойдя ближе на крик, они едва разглядели, что в болоте стоят три лошади, запряжённые в большую телегу, в которой сидит человек и кричит на лошадей, и бьёт их кнутом; в телеге -- большая поклажа и что-то как будто шевелится. Отец прошептал матери: «Это непременно и есть сам вор, близко подходить к нему нельзя, убьёт. Ты иди

домой, а я побегу в деревню Бухолово и позову народ помочь мне». Мать возвратилась домой, а отец побежал в деревню, стоявшую в версте от низины.

Вбежав в деревню, отец начал стучать в окна к некоторым крестьянам и кричал: «Вор едет, помогите поймать вора!» Несколько человек выбежали на улицу. Разглядев отца, они спрашивали: «Что случилось, Михаил Иванович?» - «Вор, вор меня обокрал, едет сюда». Не успел отец сказать это, как в деревню вкатил тройка лошадей и быстро помчалась по улице; отец с людьми погнались за ней, но догнать не смогли. Около Бухолова протекала Кушалка, а на другом берегу располагалась деревня Русиново, из которой дорога шла в Тверь. Через речку выше Бухолова был мост, а ниже -- клади для пешеходов. Когда тройка покатила на мост, отец с людьми побежали в другую сторону, к кладям и, пробежав по ним в Русиново, встретили вора у ворот в поле. Ворота были затворены; вор, на что и рассчитывали поимщики, спрыгнув с телеги, начал отворять ворота, спрашивая при этом подоспевший к нему народ: «Где дорога в Тверь?» Народ отвечал: «Дорога здесь, а это что у тебя в телеге за овца, что за бельё, а эти вещи?» -- и, обращаясь к отцу, сказали: «Да у него, Михаил Иванович, очень много в телеге вещей». Услышав шум, подбежали к телеге и русиновские крестьяне. Недолго думая, они схватили вора и начали его бить, но отец удержал их, говоря: «Братцы, бить нельзя -- большой грех, да и перед судом отвечать будете!» Тогда бухоловские мужики, человека четыре, предложили отцу: «Садись, Михаил Иванович, поедем, а вор может и добежать до села». С этими словами они привязали его к оглобле и поехали, и как ни просил отец посадить вора в телегу, они его не послушали. У нашей избы крестьяне связали вора и ввели в дом. Мы все страшно испугались при виде вора. Вор попросил пустить его на печку погреться. Отец сказал: «Ступай, погрейся!» Вор лег на печку, а мужики пошли отпрягать лошадей и выбирать вещи из телеги. И чего, чего не было в ней: тут были хомуты, шлеи, седёлки, уздечки, бельё, овца, украденная у нас, масло коровье, мясо, коробка, холст и прочее.

В церкви в это время происходила служба -- утренняя по случаю праздника Воздвижения Креста Господня. Кто-то пришёл в церковь и шепнул кому-то на ухо: «Михаил Иванович поймал вора, который теперь лежит на печке у Михаила Ивановича». Один шёпотом передал другому, тот передал третьему, третий -- четвёртому. Всякий, кто узнавал о таком событии, поспешно выходил из церкви и направлялся к нашей избе. Скоро в церкви остались единицы, а к концу утрени и почти никого. Зато в нашей избе вскоре повернуться нельзя было. Народ набился и в избу, и в сени, и во двор, обломили нам крыльцо. Удивительно, как ещё пол не обломился в избе от такого наплыва народа. Те, кто оставался на улице, подставляли под ноги чурки и лезли в окна, хватаясь за наличники, которые и оборвали вместе со ставнями. Так велико было у всех желание увидеть вора. Отца замучили вопросами: «Да как это ты, Михаил Иванович, изловил вора? Медаль тебе надо дать за поимку вора и за труды!» Отец отвечал: «Праздник Господень попутал его. Моя овца довела молодца до конца!» Бабы, не могшие видеть вора, ужасно теснились и спрашивали одна у другой: «Где вор-то, укажи?» -- «Разве не видишь, вот и он, на печи-то лежит!» -- «Где, где?» -- «Да вона!» -- «А-а, топерича вижу. Да и он такой же человек!» -- «А ты что думала?»

После любопытных начали приходиться люди, потерпевшие от вора, спрашивая и отыскивая свои вещи. Явился один причетник, везший сына в семинарию из Бежецкого уезда. У него вор украл лошадь и всю провизию, которую бедный причетник вез для пропитания своему сыну: мясо, масло, сметану, творог, муку, а также и коробку, наполненную латинскими склонениями и греческими спряжениями. Лошадь и все свои

вещи причетник¹⁵ получил в целости и очень благодарил отца. Явились хозяева и других лошадей и разного имущества и также получили всё сполна, благодаря отца.

Наконец все разошлись. Вор, оставшись один, попросил отца развязать его -- выпустить по нужде во двор. Отец отпустил его и спустя какое-то время вспомнил, что вор что-то долго не возвращается. Выскочил отец во двор и увидел, что вор уже отвязывает верёвочку у калитки на улице. Отец закричал: «Ты что тут делаешь, а? Нехорошо, нехорошо! Вернись обратно, а то я сейчас закричу караул, явятся мужики, тебя свяжут, а прежде жестоко побьют». Вор послушался, вернулся назад, но стал кланяться и просить: «Отпусти меня, Михаил Иванович, вот тебе два золотых». Отец на него: «Что ты, что ты говоришь неладно, разве можно?» Вор настаивал: «Возьми три, четыре золотых, только отпусти!» Отец ему: «Христос с тобой! Ни за какие сокровища не соглашусь отпустить!» Так как отцу нужно было идти к обедне, он попросил на это время прислать караульных. Старшина прислал двоих. После обедни отец напоил и накормил вора и сказал: «Ну, прости меня, не сердись, не я виноват, праздник Господень попутал тебя». Приехала подвода, вора связали, посадили в телегу и уложили в неё оставшиеся невостребованные вещи. Отец опять повторил: «Прощай, брат, не сердись на меня». Вор ответил: «Нет, нет, Михаил Иванович, ты добрый и хороший человек!» Вора повезли в стан; он оказался крестьянином Корчевского уезда Горицкой волости, по фамилии Жигаренко, известный всей той стороне рецидивист, бежавший из сибирской тюрьмы.

Когда в нашей избе было очень холодно, отец приносил из села, где изготовлялись бёрда для тканья холста, березовые стружки, раскладывал их в подполе кучками и зажигал. Я очень любил в это время быть с отцом рядом и смотреть на эту затею. Большая русская глиняная печь в избе служила не только для тепла и варки пищи, но была для нас и банею. Почти каждый день в ней кто-нибудь парился. Обыкновенно утром кто-нибудь из членов семьи заявлял, что ему сегодня что-то нездоровится: или грудь болит, или живот, или поясница. Да по правде сказать, после пожара все были больными на всю жизнь. И вот перед вечером желающий париться по болезни просил мать убрать из печи все, что там стояло из пищи, оставив одну горячую воду. Приносили два снопа ржаной соломы и веник. Солома постилалась на пол печи, и желающий или желающая (чаще) влезали в печь; им подавали шайку для воды и веник. Печь прикрывали заслоном и захворавший начинал париться. После пара иногда пили зверобой, вскипячённый заранее в котле, или солодковый корень, и покупалось на пять (полторы серебром) копеек мёду. Самовара в доме не было, чая и сахара не покупалось. Вообще пища была суровая: щи из серой капусты, изредка мясные, картофель, который крестьяне прозвали вездесущим, в мундире или очищенный, приправленный постным маслом, иногда гусиным салом и даже жареный. Иногда житная (ячменная) каша и, в виде лакомства, пресное молоко, чаще с творогом. В среду и пятницу строго соблюдался пост, а о продолжительных постах и говорить нечего. Пищей тогда служили квас, белая кислая капуста (не всегда), редька, щи с приправою из конопляного масла или постного масла и лука, картофель -- только в мундире. Изредка -- горох без масла, гороховый кисель и овсяный кисель.

С наступлением Великого поста опять приходилось переносить разные утеснения в жизни. В пятницу на первой неделе поста, часов в восемь утра, обыкновенно приходили к нам из разных деревень говельщики,¹⁶ человек по семнадцать, заявляя при этом: «Мы к

¹⁵ Причетник - младший член церковного причта, например: псаломщик, дьячок, пономарь.

¹⁶ Говеть -- у верующих: поститься и ходить в церковь во время поста, приготавливаясь к исповеди и причастию.

цее (тебе), Михайло Иваныц; я баю у цея попросце». Так говорили крестьяне деревни Ведново -- народ видный, здоровый (польские ли выходцы или карелы -- хорошенько не знаю). Разговор их всегда был такой: «Я баю, ты баешь, а ты глядит-ко». Если один говорил другому что-нибудь приятное, другой отвечал: «Ты бай, сколь на свете не худенько ли!» Отец всегда принимал их, говоря: «Тесненко у меня, да в тесноте -- не в обиде. Бог даст, как-нибудь разместимся». Затем все говельщики, оставив у нас в избе весь свой хлеб, отправлялись к преждеосвященной обедне¹⁷. После обедни они возвращались к нам, и мать моя устраивала им обед: сначала приносила редьку и заставляла кого-либо тереть ее, потом приносила капусту, квас, лук и наливала в большие чашки щи из серой капусты, приправленные мукою и луком, но без масла. Отобедавши, некоторые говельщики отправлялись на печку, большая часть на полати, остальные размещались на лавках, сидя. Через некоторое время они уходили в церковь исповедоваться. Приблизительно около пяти часов пополудни начинался звон к вечерне, а после вечерни читалось говельщикам правило¹⁸ в течение трех часов. Пользуясь уходом говельщиков в церковь, мы обыкновенно садились за стол ужинать, а после ужина мать придумывала, кому из нас и где лечь на ночь: кому оставляла местечко на печке, а кому в чулане за перегородкой, кому на лавке и на полу. Около восьми часов вечера говельщики возвращались из церкви к нам, и тотчас начинались хлопоты по размещению их на ночь. Отец приносил несколько снопов ржаной соломы, и говельщики расстилали солому по всему полу избы и укладывались. Полати также были в их распоряжении, а также часть печи для стариков и старух. И вот вся изба наполнялась простонародным людом, который начинал храпеть и кашлять, и воздух в избе начинал наполняться самым разнообразным запахом от одежи, белья, обуви, иногда намазанной дёгтем, и к полуночи уже тяжело было дышать. Часа в четыре утра говельщики вставали, умывались, одевались и уходили в церковь к утрене, а затем и к обедне. После этого значительная часть говельщиков уходила домой, а некоторые оставались и на воскресенье. Такое нашествие говельщиков происходило во все пятницы Великого поста, а на Страстной неделе, начиная с четверга и до самого Светлого Христова Воскресения, их было у нас дома так много, что и не перечесть.

К большому стеснению жизни в описанной избе ещё служили так называемые кросна для тканья холста. Со второй недели Великого поста ставили в избе стан для тканья, он занимал почти четвертую часть избы. Стан приготавливали для работы, то есть пряжу, предназначенную для тканья, запрягали в кросна, или как говорили «устанавливали кросна»¹⁹. Вставлялось бёрдо; пряжа или нитки предварительно наматывались на цевки, эти цевки вставлялись в челнок. Наматывание цевок производилось на особых скалках и с шумом, но этот шум ничто в сравнении с тем стуком, который получался от закрепления каждой нитки после пропуска её челноком в изготавливаемый холст. Внизу под холстом привязывались две деревянные подножки, и ткачиха, пропустив челнок сквозь ткущийся ею холст, нажимала ногой попеременно подножку, а рукою хваталась за бёрдо и сильно ударяла по холсту, отчего дрожал пол и перегородка. Работа эта, а следовательно и почти непрерывный стук, продолжались от восхода до заката. Хорошая ткачиха могла соткать в

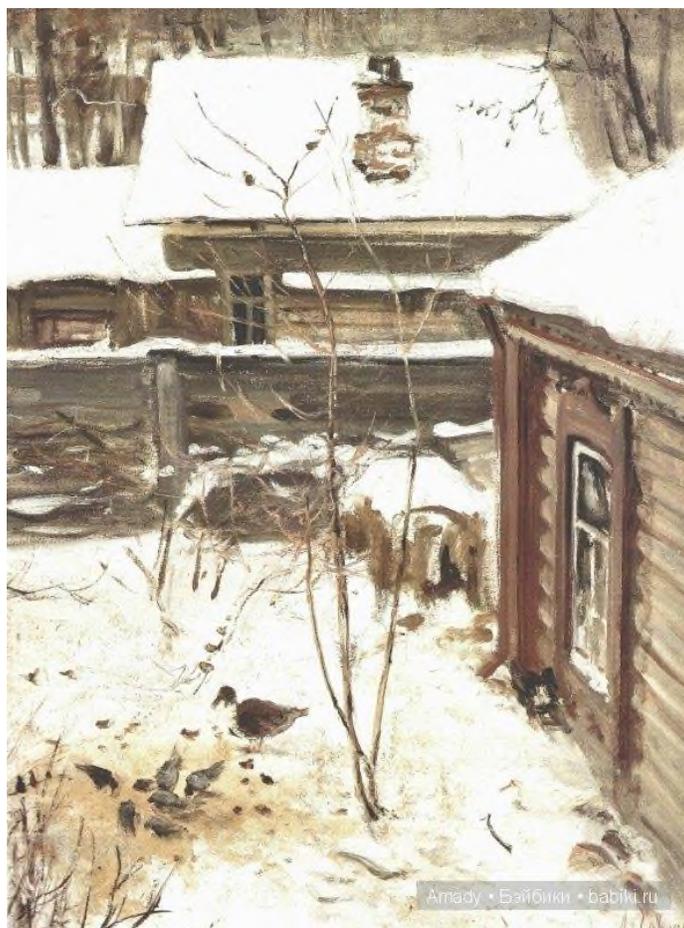
¹⁷ Обедня (литургия) – церковная служба, совершаемая утром, до обеда.

¹⁸ Правило (последование) – подготовка к причастию состоит (помимо исповеди) из чтения псалмов, канонов и специальных молитв.

¹⁹ Кросна - ручной ткацкий станок, подготовленный к работе; с уже начатой на нём работой.

день до семи аршин холста. Нужна была особая привычка, чтобы равнодушно переносить этот стук.

Почти насупротив нас был дом (такая же изба, как и наша) пономаря Арсения Васильевича Николаевского. У него была жена Анна Васильевна, очень умная женщина. К ней обращались очень многие за советом. У них было три дочери и три сына. Хотя Арсений Васильевич умер и нестарым, но Бог благословил их семейство. Все три сына — Иван, Василий и Андрей -- получили образование, все были чиновниками, и первые двое достигли генеральского чина. Старший сын Николаевского Ваня был мне ровесником; в один день начали мы с ним ходить и с тех пор до его смерти были самыми искренними друзьями. Помню, как в первую зиму после пожара Ваня почти каждый день приходил к нам, и первым занятием нашим было влезть на печь, отломить от задней стены по куску глины и есть. На другой день я отправлялся к Ване, и мы также влезали на печь и доставали глину, но так как их печь была устроена из кирпича, то глина, находящаяся в швах, была хуже на вкус, и Ваня, бывало, говорил: «Устинушка, у вас лучше глина. Пойдем её есть к вам». Ели мы глину года два. До восьмилетнего возраста ходили мы оба в белых холщовых длинных рубашках, подпоясываясь поясом. Припоминаю также, что родители наши нам говорили, чтобы ночью не задерживать мочи, а ходить в ведерочко, иначе может случиться каменная болезнь.

А. Саврасов «Дворик. Зима»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Обучение грамоте. Слоги двойные и тройные. Слова под титлами. Часослов и Псалтирь.
Обучение письму. Хождение в церковь. Твёрдое усвоение славянского языка.

На седьмом году отец начал учить меня грамоте вместе с сестрою Катей. Предварительно в один из воскресных дней отец взял меня и сестру в церковь, где по окончании обедни священник отец Иоанн Судаков, мой крёстный отец, по просьбе родителя моего отслужил молебен Пресвятой Богородице. По окончании молебна отец Иоанн дал мне просфору²⁰ и сказал: «Учись, крестник, хорошенько, будь бакалавром!» Значения этого слова я не понимал. Спросил отца, и он мог только сказать, что это самый лучший ученик в академии. На другой день отец сказал: «Ну, детушки, давайте помолимся Господу Богу, чтобы Он дал вам разум и понятие в учении. Молись, мать, и ты». Помолвившись, отец велел нам сесть за стол, принёс церковную азбуку, имевшую заглавие «Начальное учение человекам, хотящим учиться книгам Божественного Писания». Указав на буквы славянские, отец объяснил мне и Кате, что из этих букв состоят слова, а из слов составляются все книги. Не вполне уразумел я это. Далее отец дал нам в руки указки, сделанные из лучины, и, открыв азбуку, сказал: «Ну, говорите за мной: “аз”», -- показывая при этом моею указкой на первую букву. Я и Катя бессмысленно повторили: «Аз». Указывая на вторую букву, отец сказал: «Говорите за мною: “буки”». Мы повторили: «Буки», -- вновь ничего не понимая. Отец продолжал: «Говорите: “веди”», -- указывая нам при этом на третью букву. Мы повторили: «Веди». Далее отец, показывая четвертую букву, сказал: «Это глаголь, говорите со мной: “глаголь”», -- мы повторили. Тогда отец сказал: «Ну, на первый раз довольно. Начнем сначала, повторяйте за мной: “Аз, буки, веди, глаголь”²¹. Вот и выучите сегодня эти буквы. Завтра пойдём дальше». На другой день, усадив нас за стол, отец спросил, не забыли ли мы вчерашние буквы. «Повторите», -- велел он. Мы повторили. Тогда отец сказал: «Теперь я вам буду показывать далее» -- и показал нам еще несколько букв.

В течение восьми-десяти дней мы заучили все буквы и приступили к изучению слогов, сначала двойных (двухбуквенных), выговаривая: «Буки, аз -- ба; веди, аз -- ва; глаголь, аз -- га; добро, аз -- да» и т.д. Потом изучали тройные слогам таким образом: «Буки, рцы, аз -- бра; веди, рцы, аз -- вра; глаголь, рцы, аз -- гра; добро, рцы, аз -- дра» и так далее. Изучив тройные слогам, отец сказал, что теперь нам надо выучить слова под титлами²², что довольно мудрёно, и начал показывать и объяснять титла на букве в словах: «Аз: Ангел, Ангельский, Архангел, Апостол, Апостольский. Буки: Бог, Божество, Богородица, блажен, благословен, благодать. Веди: Владыка, Владычица, владычество, воскресение». И так далее по порядку букв. На изучение слов под титлами действительно было употреблено много времени, и необходима была большая память, чтобы запомнить и изучить такие слова. В заключение пришлось ещё ознакомиться со знаками надстрочными и строчными. Название этих знаков меня много смешило, и хотя отец говорил, что эти знаки можно и не учить, тем не менее я постарался выучить их. Окончив и изучив всю эту

²⁰ Просфора – освящённый хлеб.

²¹ Аз, буки, веди, глаголь – названия первых букв церковнославянской азбуки (алфавита).

²² Титло – знак, указывающий на то, что слово записано в сокращённом виде; знак этот представляет собой короткую волнистую линию над одной из букв слова.

азбучную премудрость, мы с Катей начали читать помещённые в азбуке утренние и вечерние молитвы. В той же азбуке помещены были гражданским шрифтом (или печатью, как тогда называли) священные изречения, начинающиеся словами: «Буди благочестив, уповай на Бога и люби Его всем сердцем».

После азбуки мы принялись читать сокращённый катехизис²³, написанный простым понятным языком, чётко и ясно. Затем отец дал нам для изучения Часослов²⁴; книга была старой, с выцветшими буквами. Через некоторое время отец привёз нам из города Кашина от своего брата другой Часослов, с киноварью²⁵. И тут вышло большое недоумение: кому дать новый часовник -- мне или Кате. Очень хотелось обоим иметь новый часовник. Я просил часовник себе, Катя -- себе, оба плакали. Наконец мать и отец стали просить меня, чтобы я уступил Кате, так как она бережливее и аккуратнее меня. После усиленной общей просьбы я не без гордости в сердце отдал часовник Кате, очень обрадовавшейся.

Для дальнейшего образования также необходимо было изучение и Псалтири²⁶. В одно утро отец принёс Псалтирь и сказал нам: «Помолитесь Богу, детушки, с сегодняшнего дня вы будете учить Псалтирь». После молитвы мы сели за стол. Отец, открыв Псалтирь, показал нам на первой странице изображение святого царя Давида с пером в руках и сказал: «Это святой царь Давид, он сам и написал Псалтирь, перекреститесь и поцелуйте его». Я очень удивился, что царь Давид мог написать такую большую Псалтирь. Мы поцеловали изображение святого царя Давида. Отец сказал: «Теперь читайте первый псалом». Мы перекрестились и начали читать: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых, и на пути грешных не ста, и на седалищи губителей не седе» и т.д. Прочитали весь псалом два раза. Отец сказал: «Ну, довольно на первый раз, перекреститесь, закройте Псалтирь и садитесь есть горячий картофель». С этого дня мы каждый день учили Псалтирь. Сестра Катя лучше меня училась и больше старалась, но на неё обращали меньше внимания. Отец и мать говорили: «Тебе, Катя, не в школу идти...»

Кроме умения читать, для поступления в училище необходимо было научиться и немного писать. Отец боялся меня учить писать, говоря, что у него почерк старинный, но делать было нечего: кроме него, некого было просить. Сшил мне отец тетрадь из синей бумаги, очинил гусиное перо и заставил писать наклонные палки, потом малые буквы: «п», «б», «в» и т.д.; через некоторое время принёс пропись и велел писать складки.

Первый складок был: «Америка очень богата серебром».

Второй складок: «Трудности преодолеваются прилежанием».

Третий складок: «Прилежание²⁷ и раченье²⁸ доставляют нам пользу и великую славу».

²³ Катехизис (поучение, наставление) – книга, содержащая основы христианского вероучения.

²⁴ Часослов (часовник) – богослужебная книга, предназначенная для чтецов и певчих. Различают два вида Часослова: «великий» - для церковных служб и «малый» - сокращённый вариант «великого». «Малый» Часослов специально издавался с учебной целью – по нему учили читать.

²⁵ Киноварь – краска красного оттенка, которую делали из ртутного минерала киновари.

²⁶ Псалтирь -- книга, состоящая из 150 псалмов, входящая в состав Библии. Псалтирь была главной учебной книгой Древней Руси.

²⁷ Прилежание – старание, трудолюбие.

²⁸ Раченье – усердие, внимание, забота.

Все это я и писал в своей тетради. Сестра Катя писала реже меня, так как её отвлекали на другие, женские работы. Изучением чтения по славянской печати и русской гражданской печати, и писанием по двум линейкам закончилось моё домашнее образование. Об арифметике и грамматике я не имел и понятия, но твёрдо изучил и усвоил славянский язык.

Во все воскресные и праздничные дни заставляли меня ходить в церковь к утрени и обедне, и я ходил и становился на правый клирос к своему отцу. Перед уходом в церковь я всегда просил у отца денег подать на блюдо, но отец был так беден, что нередко у него не было ни гроша. Чтобы скрыть это от меня, он говаривал: «Я подам и за тебя, Устинушка, а ты ступай так». И я, не зная истинной причины, уходил в церковь недовольный отказом. В церкви на клиросе со мной вместе становился и незабвенный друг мой Ваня Николаевский. Становились на клирос также некоторые крестьяне и пели вместе с причетниками. После каждой обедни большой любитель пения отставной военный писарь Антон Кузьмич, имевший хороший бас, давал нам с Ваней, хотя мы ещё и не умели петь, по грошу, а в двенадцатые праздники по копейке серебром. На эти деньги мы с Ваней в летнее время покупали в тот же день бабки. На грош нам давали десять пар, и мы тут же проигрывали их продававшим бабки крестьянским ребятишкам. Зимой мы играли с сестрами: я с Катей, Ваня с Надей. Была у нас подруга Павла, рано оставшаяся сиротой, дочь священника села Градницы. Её мы очень любили, но, поссорившись, дразнили: «Павка, жёлтая купавка!» -- на что она очень обижалась. Быстро пролетали часы игр и забав; всё остальное время было связано с книгою, с церковью, со службой в церкви.

Особенно любил я быть в церкви за утреней в Вербное воскресенье и на Пасху. Раз произошел такой случай: в Вербное воскресенье мать из сожаления не разбудила меня к утрени, и я проснулся, когда утренняя кончилась и зазвонили к ранней обедне. Я начал плакать и не хотел ничем утешиться. Тогда отец сказал мне: «Устинушка! Утешься, вот звонят к ранней обедне, пойдем в церковь со мною на клирос с вербою и свечкою». Я ответил отцу, что за обедней не стоят с вербою, но отец сказал: «За ранней обедней можно». И вот я пошел в церковь, встал с отцом на клирос с вербою в руках. Отец засветил мне свечку и дал в руки, говоря: «Вот тебе верба и свечка, держи в руках и молись». Не прошло и пяти минут, как с левого клироса пришёл пономарь Иван Дмитриевич и, бесцеремонно задув мою свечку и взяв из моей руки и вербу и свечку, пробурчал: «Теперь не стоят с вербой, на то была заутреня, а ты, верно, проспал её. Дождись теперь следующего года». Трудно описать то огорчение и печаль, какие принесли мне эти слова. Слезы брызнули у меня из глаз. Отец, укоризненно посмотрев на пономаря, сказал с сожалением: «Ну, что тебе за охота, Иван Дмитриевич, раздражать ребёнка?». Мне же отец ничего не сказал. Всю обедню я простоял печальный и мало молился Богу, а придя домой, всё пересказал матери и опять долго плакал.

Когда я стал порядочно читать Псалтирь, отец заставлял меня на клиросе читать псалмы, установленные для часов²⁹ перед литургией, а после неё приводил с собою в алтарь, где служивший священник, мой крестный отец Иван Судаков, давал мне половину просфоры, а иногда и цельную, говоря: «Старайся, крестник, учись хорошенько». А отец при этом добавлял: «Целуй скорее руку у отца крестного!» Получив просфору, я бежал домой с радостью и, как только входил в избу, кричал: «Маменька, маменька! Крестный

²⁹ Часы – вид богослужений, установленный церковью. Часы читаются в храме в определённое время из книги Часослов, и состоят из специально подобранных псалмов и молитв.

дал мне целую просфору, вот она!» Мать отвечала: «Ну вот, дитяtko, и слава Богу! Что же ты, читал часы?» -- «Читал, читал, маменька», -- отвечал я.

Н.Богданов-Бельский «Новая сказка»

ГЛАВА ПЯТАЯ

Сборы в Духовное училище. Прощание с родными. Первые впечатления от Твери. Квартира, визиты к ректору и учителю. Первое посещение класса. Урок чистописания.

Наступало время отправлять меня в Тверь -- в училище. Я начал скучать, не расставался с сестрой Катей, с ней был постоянно днём. Она меня, вероятно по наставлению отца, утешала, говорила, что в городе я увижу много интересного, там много церквей, большие дома – каменные, двухэтажные, большие реки; в училище будет много товарищей и прочее, и прочее, и что она с радостью поехала бы в город, да её не берут. Я всё слушал и не мог сообразить, почему в городе много церквей, какие дома каменные, двухэтажные, так как до этого времени из села Кушалина никуда не выезжал и не имел понятия даже о каменных домах. Отец заказал сапожнику Ермолаю сапоги для меня, самые простые — булочками, как тогда называли, и кожаную сумку (теку) для ношения книг в школу; мать нашла бельё, в том числе и несколько штук портков³⁰.

Назначен был день отъезда. Отец накануне отъезда просил священника отца Иоанна Судакова отслужить молебен Спасителю и Божией Матери. После молебна отец Иоанн опять стал говорить мне: «Учись хорошенько, крестник, будешь бакалавром³¹», -- благословил меня, дал просфору и какую-то серебряную монету. Затем начались приготовления к отъезду. Отец призвал какого-то мужичка, велел ему заколоть овцу, потом просил его поправить телегу, которая чинилась всякий раз перед отъездом в город.

В самый день отъезда мать напекла сдобных житных лепёшек, наварила яиц и баранины, приготовила горшок масла, творогу, сметаны, насыпала в мешок пуда два ржаной муки, меру картофеля и особо завернула в холст часть мяса -- баранины. Потом принесла откуда-то большой лубяной короб, в который и уложила бельё и почти всю провизию. Когда всё это было приготовлено, отец сказал: «Кажется, теперь, что нужно взять с собой, готово, я пойду запрягать лошадь». Затем отец тайком вызвал в сени мать и всех домашних и предупредил: «Никто не смей плакать при прощании, а кто заплачет, того по приезде из города побью!» Я не находил нигде места -- то выбегу на улицу и на погост, то сяду к сестре Кате и все смотрю на неё, то подбегу к матери или бабушке и спрашиваю их: «Скоро ли поедем?»

Отец запряг лошадь в телегу, поставил её перед окном, наложил в телегу сена и мешок овса. Потом отец с матерью вынесли короб и всё, что было приготовлено, и уложили в телегу. Затем мать сказала: «Ну вот, дитяtko Устинушка, теперь ты совсем готов, пришло время нам прощаться, учись в школе хорошенько, не горюй, отец будет к тебе приезжать!» Отец велел всему семейству присесть на долгую лавку. Присели. «Теперь встаньте, -- сказал он, -- помолимся Богу, чтобы Он, Царь Небесный, послал нам благополучный путь, а Устинушке здоровья и успеха в науках». Помолвившись, отец сказал: «А теперь, Устинушка, прощайся со всеми нами». Я подошёл к отцу, он перекрестил меня, поцеловал и промолвил, увидев, что я плачу: «Не плачь, Устинушка, Бог даст тебе хорошую память, ты будешь учиться прилежно, учителя тебя полюбят.

³⁰ Портки – штаны, брюки.

³¹ Бакалавр – человек имеющий высшее профессиональное образование.

Я к тебе буду приезжать, а на Рождество Христово тебя отпустят на две недели. Я за тобою приеду пораньше, как отпустят». Потом я подошел к маменьке, она также перекрестила меня, поцеловала и сказала: «Будь здоров, Устинушка, живи помирнее, старайся учиться хорошенько, а мы с отцом будем о тебе молиться». Далее я прощался с бабушкой, тёткой Анной Матвеевной и после всех с сестрой Катей. Все, согласно наказу отца, старались быть весёлыми и скрывали свое грустное настроение, всячески утешали меня, и все вышли за мной из избы. Мать усадила меня в телегу, отец сел впереди, и мы отправились в город Тверь, отстоящий от села Кушалина в тридцати двух верстах. Вместе с нами выехал пономарь Арсений Васильевич со своим сыном, незабвенным другом моим Ваней Николаевским.

Поленов В. Д. Золотая осень. 1893

По дороге всё занимало нас: и поля, и леса, и деревни. Перед каждой деревней мы слезали с телеги, спрашивали своих отцов название её, кто живёт в этой деревне, далеко ли до города и прочее. Ехали мы довольно долго, так как лошади у наших отцов были не особенно рысисты. Наконец показался город. Ваня закричал мне: «Устинушка! Я вижу город!» Я в ответ закричал: «И я вижу!» Вот, въехали в Тверь по Большой Бежецкой улице. Я закричал: «Ваня! Я вижу каменный дом, вот, и другой!» Отцы наши сказали: «Это пригород, а город-то дальше». Но неприветливо встретили нас жители города, торговцы Затверецкой части, известной и до сего времени под именем Азия, -- народ вообще довольно грубый. Один торговец, при проезде нашем, закричал: «Христовы жеребчики! Христовы жеребчики! Иго-го-го! Иго-го-го! Иго-го-го!» Другой торговец, вышедши из своей лавки³² на середину улицы и повернувшись лицом к первому торговцу,

³² Лавка – небольшой магазин.

громко закричал: «Что насмехаешься над ними?» -- и при этом снял свою фуражку и, махая ею по воздуху, всё время, пока мы проезжали мимо них, низко кланялся и выкрикивал: «Это же наши будущие архиереи!³³ Будущим архиереям наше нижайшее! Будущим архиереям наше нижайшее!» Мы отъехали далёконько, а он всё продолжал кричать. Но это уже мало нас занимало.

Чем дальше мы ехали по городу, тем больше росло наше любопытство и удивление при виде многих церквей, реки Волги, набережной улицы и построенных на ней сплошных каменных двухэтажных домов; мы не переставали спрашивать своих родителей обо всём виденном, так что они не успевали нам отвечать. Вот подъехали к Тверецкому мосту; у моста стояли барки с хлебом, мы засмотрелись на эти суда. Переехав мост, отцы указали нам на Отроч монастырь³⁴, стоящий с левой стороны, и мы поехали прямо от моста по Верховской улице. Отъехав немного, мы увидели на той же левой стороне одноэтажное каменное здание; родители наши поспешили объяснить, что это и есть училище, куда мы будем ходить. Что-то грустное и страшное почувствовал я! Здание было невысокое, расположенное в одну линию, окрашенное желтой краской, уже довольно выцветшей; окна большие, со старыми рамами и стеклами, крыша тесовая, старая. Вообще здание было непривлекательное. Проехав вдоль училища, мы повернули направо к Троицкой церкви и, миновав ограду церковную, поехали по Первой Троицкой улице, где во втором квартале стоял довольно старый одноэтажный деревянный дом вдовы-мещанки Анны Григорьевны Пироговой, у которой мы и остановились.

В доме мы увидели своих земляков -- детей второго дьячка из нашего села Петра и Леонида Садиковых и ещё трёх неизвестных квартирантов. Мы поздоровались со всеми. Затем из чулана вышла к нам хозяйка, пожилая уже женщина. Отцы обратились к ней с просьбой пустить нас к себе на квартиру. Она отвечала, что у неё тесненько, но делать нечего, если наши землячки согласны потесниться, она нас приютит. Конечно, с Садиковыми родители наши переговорили заранее; ребята изъявили согласие и мы остались. Хозяйка продолжала: «Вероятно, вам, Михаил Иванович, и вам, Арсений Васильевич, известны условия, при каких я содержу квартирантов. Цена за квартиру в год двадцать рублей ассигнациями; харчи³⁵ ваши, мой приварок -- капуста, лук, иногда квас; печение хлебов, приготовление обедов и ужинов -- из ваших продуктов; моя обязанность также и стирка белья. Баня через десять дней». Отцы наши на всё согласились и только просили хозяйку не оставить нас без внимания, а в бане и помыть. При этом отец в чулане что-то дал хозяйке -- то ли холст³⁶, то ли полотенце.

В этот день мы никуда не ходили, так как устали от дороги. На другой день отец повёл меня к ректору Духовного училища³⁷. Ректором³⁸ был кафедрального собора протоиерей, магистр богословия Иоанн Яковлевич Ловягин, живший около собора в казённом доме;

³³ Архиерей -- общее название для высшей степени священства (епископа, архиепископа, митрополита).

³⁴ Отроч Успенский монастырь -- православный монастырь в Твери, был основан в середине 13 века.

³⁵ Харчи -- съестные припасы, продовольствие.

³⁶ Холст -- ткань из льна.

³⁷ Духовное училище -- начальная ступень в системе духовного образования в России в середине 19 века. После него следовала семинария, затем - академия.

³⁸ Ректор -- руководитель Духовного училища.

поэтому мне с отцом пришлось идти довольно далеко от Троицкой улицы в городскую часть к собору. Вот увидел я Волгу, мы пошли с отцом по мосту. Меня поразила своею широтою Волга и самый мост, далее увидел я лавки и дома большие, каменные; на всё смотрел я с любопытством и всё спрашивал у отца, что это за дома, что за лавки. А когда начали приближаться к собору, я с изумлением смотрел на величественный храм, на большие главы его, а глядя на колоссальную колокольню, пришёл в ужас и говорю отцу: «Тянька, тянька, я боюсь идти!»

Отец всячески ободрял меня, и таким образом мы дошли до дома, где жил отец ректор. С чёрного хода, по узкой лестнице, мы вошли в кухню верхнего этажа и просили прислугу доложить о нас отцу ректору. Через несколько минут прислуга привела нас в комнату ректора, по-видимому, в кабинет, где лежало несколько книг. Едва мы стали около двери, вошел к нам сам хозяин. Это был довольно высокий человек, толстый, рыжий. Увидев его, отец поклонился земно, подошёл под благословение. Отец ректор спросил его: «Что скажешь, отец?» -- «С просьбою к Вам, отец ректор, примите сынка вот этого (я стоял, дрожа от страха) в училище», -- ответил мой родитель. «Который ему год?» -- «Восемь лет исполнилось; с двадцать первого мая пошёл девятый». -- «Надо подать прошение!» -- сказал ректор. Тут отец мой подал прошение. Ректор, прочитав прошение, спросил, привита ли мне оспа, и, получив утвердительный ответ, продолжал спрашивать отца, научил ли он меня читать и писать. Отец отвечал, что я часто читал в церкви часы. Тут ректор взял со стола маленький служебник, открыл его и, указав пальцем на страницу, велел мне читать. Я начал скороговоркой: «Велий еси Господи и чудны дела Твоя, и не едино же слово...» Ректор прервал меня словами: «Читай реже!» Я испугался, слезы брызнули из глаз, и я начал читать, запинаясь: «Ве -лий еси Господи и чуд-ны дела Тво-я». Ректор, увидя мое смущение, сказал: «Ну, довольно, довольно!»

Затем, обращаясь к отцу, он спросил его: «А петь не учил ты своего сынка?» Отец, ударив себя рукою по боку, сказал: «Виноват, отец ректор, петь-то не учил!» -- «Жаль, что не учил, пение-то трудно им даётся, -- сказал отец ректор, а потом спросил: -- Отец, а обиход-то церковный купил?» -- «Нет, не купил, да я и не знаю, какой нужно покупать», -- отвечал мой родитель. Тогда отец ректор сказал, что у него есть продажные обиходы: он взял их на комиссию по одному рублю за экземпляр, а за комиссию надо прибавить пять копеек. Отец удивился дешевизне, достал свою кожаную кошну³⁹, вынул оттуда один рубль и пять копеек серебром и вручил отцу ректору. Ректор принёс обиход, озаглавленный: «Обиход нотного пения церковного на цефнутном⁴⁰ ключе» и передал отцу, сказав: «Ну, теперь ступайте к учителю первого класса Александру Семёновичу Быкову, и ты, отец, передай ему, что был у меня с сыном и что я принял твоего сына в первый класс». Затем, погладив меня по голове, добавил: «А тебе, птенец, желаю хорошенько учиться и вести себя смиренно, чтобы отец твой радовался, видя твое хорошее ученье и поведение. Ну, с Богом!»

В тот же день пошли мы с отцом к учителю Александру Семёновичу Быкову. Это был простодушный человек, тогда ещё холостой, словоохотливый (впоследствии он женился, стал священником Троицкой церкви). Он встретил нас любезно, отец мой рассказал, как

³⁹ Мошна – кошелёк в виде мешочка с завязками.

⁴⁰ Цефнутный ключ – ключ С (до); латинская буква С обозначает ноту до. В церковной музыкальной практике на звук до (С), взятый за основу ключевого обозначения приходились названия «фа» и «ут». С помощью цефнутного ключа записывались все звуки полного церковного звукоряда.

принял нас отец ректор. Александр Семёнович сказал мне, чтобы завтра я приходил в класс. Отец просил его не оставить меня своим вниманием, на что тот отвечал ему: «Если ваш сын будет хорошо учиться и меньше шалить, всё будет хорошо, ведь и нам, учителям, приятно иметь хороших учеников», -- а обращаясь ко мне, Александр Семёнович добавил: «Слышишь, Малеин, что я говорю? Старайся, учись прилежнее, отцу будет приятно получать хорошие отзывы о тебе, а выучившись, сам будешь учителем или священником, или чиновником-барином; а учёному везде открыта дорога, так ли я говорю, отец?» -- «Истинно так, истинно так, Александр Семёнович!» — отвечал мой родитель, кланяясь ему. «Ну, теперь ступайте с Богом, а завтра к восьми утра приходи, Малеин, в школу, » -- заключил учитель.

Родители наши остались ещё на ночь с нами, чтобы утром проводить нас в школу. Лёг я с отцом вместе на полу, на войлоке, привезённом из дому, но спал плохо, часто просыпался, все думая, что утром надо идти в училище. Вставши довольно рано, мы смотрели на квартирантов, как они собирались, укладывая в сумки свои книги. Когда все ушли, отправились и мы со своими родителями в училище. Пришли мы в класс, когда уже начались занятия. Вызвав Александра Семёновича в коридор, родители наши повторили просьбу о принятии меня и Вани Николаевского в число учеников первого класса. Учитель сказал родителям: «Вы ступайте домой, а ты, Малеин, и ты, Николаевский, войдите со мною в класс. Вошедши в класс, мы остановились около двери. Все ученики при входе учителя встали и шепотом говорили: «Новички, новички». Александр Семёнович сказал: «Вот к вам ещё прибыли два новичка». И, указав на последнюю парту, прибавил: «Ну вот, пока сядьте туда».

Усевшись за партой на скамье, мы с любопытством и страхом осматривали своих товарищей. Парта была изрезана ножичком. На моём месте была вырезана буква «А», а на месте Вани «Б». Увидев это Ваня шепнул мне: «Устинушка, на твоём месте вырезан «аз», а на моём «буки». Значит, твоё первое место, а моё -- второе. Давай пересядем, уступи мне твоё место и сядь на моё». Я согласился и стал пересаживаться. Учитель заметил это и закричал на нас: «Эй, вы, новички, что там делаете, что вам не сидится смирно, смотрите, у меня есть розга, она вас живо усмирит!» Слово «розга» произвело на нас магическое действие. Мы замерли как неживые: Ваня на моём месте, а я -- на его. С того времени Ваня во всём стоял впереди меня.

Занятия в классе начинались с восьми часов утра и продолжались до двенадцати. В двенадцать нас отпускали на обед до двух пополудни. С двух часов занятия опять возобновлялись до четырёх и затем вовсе прекращались в тот же день. Послеобеденные занятия три дня отводились для чистописания, а два -- вторник и пятница -- для пения; в субботу занятий после обеда не было. Просидев в классе до обеда, мы пришли на квартиру. Здесь отцы наши, расспросив нас за столом, как мы сидели в классе, объявили, что после двух часов им надо ехать домой. Мы упросили их, чтобы они вызвали нас из класса проститься.

После того как хозяйка убрала стол, Леонтий Садиков, учившийся уже в четвёртом классе, сшил нам по тетрадке, налил по две строчки, очинил два гусиных пера, и мы, вложив тетрадки в кожаные сумки, отправились в класс. «Теперь садитесь, -- сказал учитель, -- возьмите свои тетрадки и пишите на них с прописей что угодно, в две строчки, по одной странице. Да только хорошенько -- и тетрадей не марать, а кто будет худо писать или тетрадь марать, того буду сечь». Только мы расположились с Ваней писать, как очередной ученик (о роли их я расскажу потом), услышав стук в дверь, вышел в коридор и, вошедши тотчас назад, заявил учителю, что Малеина и Николаевского спрашивают.

Александр Семёнович сказал: «Пусть идут!». Мы вышли из класса и в коридоре увидели своих родителей. Они сказали, что зашли проститься, а мы горько заплакали. Потом отцы просили нас, чтобы мы не тосковали и не плакали, а старались хорошенько учиться и что они опять скоро приедут в гости.

Простившись с родителями, мы поплелись в класс и не могли удержать слёз, которые, за неимением платков, утирали рукавами. Увидев это, учитель сказал: «Николаевский, Малеин! Вы что это глаза трете рукавами?» -- «Глаза засорили, Александр Семенович!» -- нашелся Ваня. «Как это случилось? Враз оба засорили глаза! Посмотрите-ка кто-нибудь на улицу, не едут ли их отцы?» Очередной, или дежурный, ученик с готовностью доложил, что сию минуту мимо училища проехали двое причетников. «Ну, так я и знал, -- произнес учитель. -- Вот чем засорили глаза Николаевский и Малеин! Смотрите, вот у меня есть розга, которая живо протрет вам глаза!» Слово «розга» опять возымело действие и мы принялись за чистописание вместе со всеми, забыв о своём огорчении.

Александр Семёнович сидел за столом и чинил перья. Все писали гусиными перьями, и только скрип их был слышен по всему классу. Перьев перед учителем лежал целый ворох, и постоянно к нему подходили ученики чтобы поменять перо. Вдруг раздался по всему классу возглас: «Асеклянда Семёновиц, пело не везёт!» -- «Что, кто там кричит?» -- строго спросил учитель. Несколько учеников отвечают: «Иван Введенский!» -- «Введенский! Давай сюда своё перо, я поправлю его, авось либо повезёт», -- говорит Александр Семёнович, смеясь. Картавивший так потешно ученик Ваня Введенский был сыном священника села Козлова Вышневолоцкого уезда. Все жители Козловского прихода были карелы, а отец Введенский перевёл на карельский язык Евангелие от Матфея, отчего получил известность.

По окончании уроков по чистописанию все ученики сдали свои тетради Александру Семёновичу, который унес их домой для проверки. Через несколько дней некоторые ученики за плохое писание были наказаны стоянием на коленях около парты. На моей тетради, к великой моей радости, учитель написал: «Видно старание».

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Жизнь в Твери. Варгазинские калачи. Класс пения. Розги. Очередные ученики. Мой неудачный дебют. Поведение в церкви.

По вечерам, придя из класса домой, все квартиранты вместе за одним столом и при одной сальной свече готовили уроки. Выучивши уроки, ужинали, а потом ложились спать -- кто на полатах, кто на печке, а кто и на полу, постлавши войлоки. Утром некоторые вновь просматривали свои уроки, потом спрашивали у хозяйки хлеб, ели его, а часть клали в теку (сумку), чтобы в классе перекусить. Изредка покупали мы у Варгазина на

дому так называемый варгазинский калач, известный и до сего времени, стоивший пять копеек ассигнациями или полторы копейки серебром -- небольшого размера, и 10 копеек ассигнациями -- большой калач. Десятикопеечного калача мне хватало на три дня. Положив в теку калачи и хлеб, мы с Ваней отправлялись в школу, повесив теку через плечо. Так каждодневно происходило наше хождение в школу, конечно, исключая праздники и воскресные дни.

Приближались уроки пения. Сначала учитель нам объяснил и велел заучивать названия нот: ут, ре, ми, фа, соль, ля, высшее фа с перечеркою, потом такты, полутакты, четверть такта, восьмая такта. Такт имел четыре маха рукой, полтакта -- два маха, четверть -- один мах, восьмая часть -- половина маха. Далее мы выучили, на какой черточке стоят ноты. За незнание этого наказывали стоянием на коленях на середине класса или около парты, изредка секли розгами -- до пяти ударов.

Когда мы всё выучили теоретически, нам было задано учиться петь по нотам: ут, ре, ми, фа, соль и т.д. Накануне вечером квартирант Иван Петрович Бутягин, бас семинарского хора, спросил меня: «Устинушка! У вас завтра пение после обеда?» Я ответил грустно: «Пение, Иван Петрович!» -- «Неси обиход! Давай я поучу тебя!» Вероятно, отец мой просил Бутягина об этом. Я принёс обиход. Бутягин раскрыл его и, показывая на нотную азбуку, произнес: «Ну, видишь, напечатано “ут”? Пой за мной в один голос: “У-уут”. И своим баском затянул: «У-уут», -- а я своим детским голоском совершенно в другой тон: «У-уут». -- «Нет, не так! Ты возьми пониже... Теперь немного повыше... Всё не так!» Я заплакал, Иван Петрович сказал: «Не плачь. Бог даст, помаленьку привыкнешь! Ну, отдохни немного!» Так Иван Петрович просидел со мной часов до одиннадцати ночи, и я кое-как усвоил пение, но в класс пошёл со страхом. Дело, однако же, обошлось благополучно.

В следующие классы пения Александр Семёнович заставил петь враз всех учеников. Выходило что-то громкое и смешное, так что проезжавшие мимо училища останавливались и с изумлением слушали столь оригинальное пение. Правда, нередко, услышав фальшь, Александр Семёнович, рассердившись на кого-нибудь, кричал: «Пошёл к порогу! Высечь его!» Провинившийся шёл к порогу, раздевался. Очередной ученик или дежурный брал в руку лозу и начинал стегать провинившегося по обнаженной мягкой части тела. При первых ударах провинившийся обыкновенно кричал: «Александр Семёнович, простите, не буду, не буду!» Услышав крик в первый раз, я и Ваня вскочили со своих мест на скамейки, чтобы хорошенько рассмотреть экзекуцию, но учитель тотчас заметил нас и закричал грозно: «Вы, новички, что встали, чего не видали? Розги, что ли, захотели? За этим дело не станет!» Конечно, мы сию минуту сели на свои места и дрожали от страха. Потом, опять как-то Александр Семёнович велел одного ученика высечь, но исполнения наказания не последовало, так как провинившийся заявил, что у него болит та часть тела, по которой стегают, что и подтвердил дежурный ученик.

Здесь кстати сказать об очередных учениках, дежурных, они менялись каждый день по порядку сидения за партой в классе и занимали особое место около двери. В их обязанности входило выглядывать в коридор на стук в дверь и узнавать кто постучал, кого хотят видеть или что-то передать учителю. На их же обязанности было изготовление розги и наказание ею провинившихся, если таковые находились в тот день.

И вот очередь дошла и до меня. Товарищ объявил, что я завтра очередной. Пришёл я домой грустный. Нужно было приготовить розгу и принести в класс, в противном случае секли самого очередного. В огороде у хозяйки я подходящих прутьев не нашёл и

обратился к ней за помощью. Она связала мне какой-то пучок из старой метлы. С этим пучком пошёл я в училище, держа его под пальто. В классе сел на последней парте у двери, а розгу положил на доску, на которой писались цифры. Ко мне тут же подошли товарищи и стали спрашивать: «Малеин, ты сегодня очередной, лозу-то принёс? Покажи!» Я достал пучок, навязанный хозяйкой, и показал товарищам. Они, увидев эти розги, засмеялись и сказали: «Ну, брат Малеин, тебя за такую лозу самого высекут! А сечь-то умеешь?» Я со слезами на глазах ответил: «Нет, не умею!» — «Ну так как же быть?!» Целый день я просидел очередным в большом страхе. Но, благодарение Господу, день прошёл благополучно, и в розге надобности не последовало. Вообще, Александр Семенович редко кого наказывал, больше страшал.

В октябре последовала пересадка нас на новые места. Меня и Ваню посадили на первую парту. Рядом со мною посадили Иосифа Малинина. Малинин, усевшись, начал меня толкать, а я его. Произошел некоторый шум. Увидев это, учитель громко сказал: «Малинин, Малеин! Что вы шумите, как воробьи в вениках! Сидите смирно!»

Во все воскресные и праздничные дни нас заставляли ходить в церковь к утрени и обедне (Литургии). Всенощные после 14 сентября не служили нигде, кроме Владимирской церкви, по особому разрешению архиерея. К утрени начинали звонить в четыре часа утра, и надо было приходить к началу службы. За неисполнением этого строго следили особые старшие; они записывали в свой журнал, кто приходил поздно в церковь или кто худо стоял: смеялся, часто оборачивался назад, переходил с места на место и прочее. Журнал свой старшие после воскресенья или праздника подавали инспектору, и он наказывал провинившихся розгами. Так как обедню священник служил не тотчас после утрени, то приходилось уходить из церкви на квартиру и снова идти в церковь по звону к обедне, что было затруднительно, особенно в худую погоду и зимой. Ходили мы к Троицкой церкви, что за Волгой.

Перед Рождеством Христовым была снова пересадка, и я занял третье место и очень боялся, чтобы меня не посадили на первое место, так как в воображении мне представлялось, что первый ученик должен всё знать и отвечать на все вопросы, а потом как-то и удивительно, если кто из начальников спросит учителя, кто первый ученик, а учитель ответит: «Иустин Малеин». Ох, как страшно!

На последней неделе перед Рождеством Христовым Александр Семёнович сказал нам, что 21 декабря нас отпустят домой и чтобы мы через день подали ему билеты для подписи. Потом он стал шутить с нами: «Вот поедете к своим родителям, то-то рады будете, Малеин! Ты кого больше всех любишь?» -- спросил учитель. Я ответил: «Бабушку!» Многие засмеялись. Учитель снова спросил: «Почему бабушку?» -- «Я точно так же люблю и мать, -- ответил я, -- но она меньше со мною бывает, особенно летом, целые дни проводит в поле, а бабушка сидит со мною и всё сказки говорит...»

А Александр Семёнович продолжал: «Наступит Рождество Христово, поедете вы с отцами по приходу славить по всем деревням, а каких, каких деревень у нас нет, с какими названиями! Например, на моей родине, -- расчувствовался он, -- есть деревня Валютино, а на твоей, Малеин, какие есть деревни?» -- «Ведново, Бухолово, Дуловское, Чёрнево. Все они барские, господ Хвостовых, и поголовно все ходят по миру⁴¹. Спросишь кого из них: «Откуда вы?» Отвечают: «С Чёрнева! Хвостовы!» А в соседних, ближних селах деревни:

⁴¹ Ходить по миру – нищенствовать, попрошайничать.

Ляхово, Страхово, Пастасино, Паквасино и много, много других смешных названий», -- радостно говорю я, предчувствуя скорую встречу с домом.

Константин Горбатов. Торжок. 1917

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Первые рождественские вакации. Славление вместе с отцом. Помещики Кегели. Помещики Храмцовы. Пётр Григорьевич. Деревня Ведново. Жизнь крестьян зимой. Игры у проруби. Занятия пением с отцом.

Наступило 21 декабря и мы получили отпускные билеты. Нас отпустили до 8 января. Отец приехал за мною еще утром 21 декабря. Не могу описать той радости, с какой я встретил отца, и того нетерпения дожидаться часа, когда мы поедем из города домой. Отец велел мне взять обиход с собой, чтобы дома поучить пению.

Мать, бабушка, сестра Катя и все домашние встретили меня с радостью, а мать и со слезами: «Устинушка! Сколь ты худ и мал! Верно, во всем классе меньше тебя и нет никого?» -- «Нет, маменька! Петр Козырев меньше меня!» — отвечал я. Отец сказал

матери: «Пробери печь да вымой Устинушку! Ты посмотри на его руки!» А на руках у меня были болячки. Мать взяла меня с собою в печь, вымыла, надела чистое бельё и всё смотрела на меня и говорила, как я худ. Отец отвечал ей бодро: «Ну, будем беречь Устинушку, изжарим гуська!»

Вот, слава Богу, дождались мы и Великого Праздника Рождества Христова! Я пошёл к утрени, которая продолжалась долго; у меня озябли ноги, руки, я вообще весь прозяб, церковь была холодная; раза три во время утрени я входил в алтарь и там у жаровни грелся. После утрени уговорились мы -- братья Садиковы, Ваня Николаевский и я -- идти славить Христа⁴² между своими, духовными. Спевшись предварительно в доме моего отца, мы пошли к старшему священнику Судакову. Прославили у него Христа, и он дал нам всем денег -- мне пять копеек серебром, как крестнику. От Судакова отправились ко второму священнику, отцу Николаю Сретенскому. От него -- к дьякону и ко всем причетникам. В каждом доме пели ирмос⁴³ «Христос рождается...», тропарь «Рождество Твое, Христе Боже наш...», кондак⁴⁴ «Дева днесь Пресущественного рождает...» и ирмос «Любити убо нам...», а в заключение -- «Многая лета». Везде нам давали деньги...

Рождественский сочельник Художник Иван Булыгин.

⁴² Славить Христа – во время празднования Рождества Христова ходить по домам с песнопениями, прославляющими это событие.

⁴³ Ирмос – это вступительный стих, показывающий связь тропаря праздника с древними библейскими событиями.

⁴⁴ Тропарь и кондак – это небольшие молитвословия; кратко объясняют событие церковного праздника или прославление святого.

Потом, уже из дома, я отправился с отцом, дьячком Садиковым и его детьми славить Христа в село, у крестьян. Отец и Садиков взяли мешки, так как за славление давали где деньгами -- отцу и Садикову по две-три копейки серебром, а нам большей частью по грошу, изредка по копейке серебром, -- а где овсом, каждому по мерной чашке. Овёс мы высыпали в мешки. Обойдя дворов десять-двенадцать, мы пошли домой, так как время приближалось к обеду. Зазвонили к обеду (Литургии) часов в восемь утра, если не позднее, хотя утренняя окончилась около пяти часов утра. Звон продолжался долго, а сама обедня -- и ещё много дольше, так что из церкви домой мы пришли часов в одиннадцать утра. Отощав во время поста от суровой пищи, мы с великим удовольствием и радостью разговелись чем Бог послал. Не забыт был и гусь, как самое главное и лакомое кушанье.

По заведенному обычаю, весь причт села Кушалина в первый день Рождества Христова ездил славить к местным помещикам. Отец после обеда запряг лошадь, взял меня и пригласил ехать вместе с нами священника Судакова. Когда мы уселись и выехали на улицу, то увидели, что выезжают из своих дворов и все члены причта: священник Сретенский, дьякон Морковин, дьячок Садиков с сыном Ваней. Все мы поехали через деревни Вельшино и Наденское в сельцо Перелогы к помещикам Кегелям.

Кегель пригласил всех нас в зал, где, остановившись перед иконой, мы начали петь сначала ирмос «Христос рождается», потом тропарь и так далее, пока не спели всё, что положено. Пение получилось стройное и умильное. После окончания его растроганный хозяин Леопольд Феликсович Кегель пригласил священников и дьякона в зал, а жена его Ольга Андреевна, подойдя к отцу и остальным причетникам, сказала: «А вы, Михаил Иванович, Иван Степанович, Иван Дмитриевич и Арсений Васильевич, пожалуйте сюда», -- и, проводив нас в комнату, смежную с передней, предложила расположиться в ней. Конечно, и мы прошли за родителями.

Здесь считаю нужным описать владельцев села Перелогы. Леопольд Феликсович был майором Бежаницкого уланского полка: высокий ростом, толстый, рыжий и не только видный, но даже и страшный мужчина, обладавший большой силой и громовым голосом. Раз он ударил за какую-то провинность своего старосту и тот три дня лежал. Крестьяне его очень боялись, говорили, что он и в лесу им являлся.

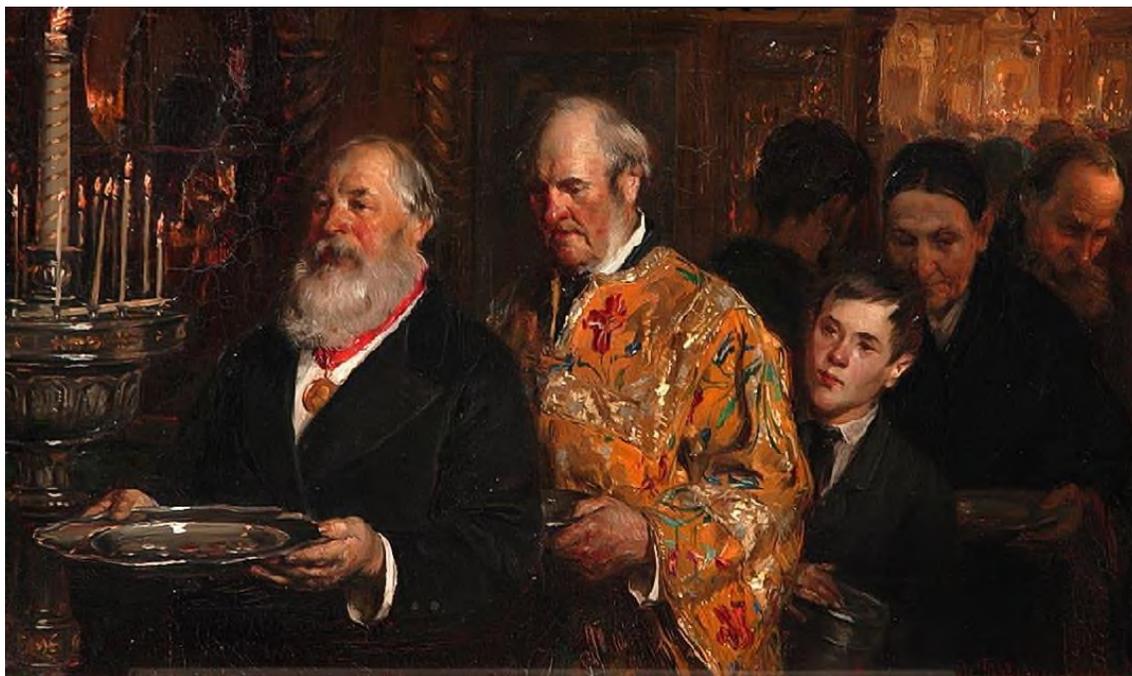
Со своей женой Ольгой Андреевной он познакомился во время стоянки уланского полка в Тихорево. Она была из рода Пыпиных, маленького роста, но очень красивая. В Тихорево она приехала в гости к своим родственникам помещикам Храмцовым; там Ольга Андреевна случайно увидела в окно проходившего мимо уланского офицера. Его высокий рост и стройный вид поразили её. Она тотчас сказала своей родственнице, что едва ли какая барышня согласится выйти замуж за такого громадину, но, помолчав, добавила: «А ведь всё-таки найдутся и такие». Судьбе было угодно, чтобы этот высоченный офицер познакомился с Ольгой Андреевной и стал её мужем.

Когда мы уселись в отведенной нам комнате, пришёл Леопольд Феликсович с графином водки и начал угощать наших родителей. Лакеи принесли пирог и подали чай. Отец мой похвалил водку, что польстило хозяину и он сказал не без гордости: «Д-да! Шельмовство! -- это было любимым его присловьем. -- Водку я сам настаиваю и худой пить не люблю!» Перед уходом Ольга Андреевна дала мне и Ване по пять копеек серебром, и отцы сказали нам в голос: «Целуйте скорее ручку барыне!»

От Кегелей поехали в Тихорево к помещице Храмцовой. Анна Дмитриевна в молодости была горничной у Храмцовых, и штабс-ротмистр Храмцов женился на ней, так как она была очень красивой. Теперь она уже состарилась и овдовела. Крестьян своего мужа она

отпустила на волю на льготных условиях, но они почему-то плохо относились к ней. Может быть за чудачества? Она очень любила почёт и в церкви за левым клиросом устроила за особой решеткой возвышенное место с сиденьем. Крестьяне богомольные были и это им очень не нравилось.

В доме Храмцовой все повторилось. По окончании пения духовенство так же разделили на две группы и угощали в разных комнатах. Распоряжался угощением староста Храмцовой, он же и церковный староста, Пётр Григорьевич, человек замечательный в округе. Невидный собою, маленький, худощавый, он был неутомимым тружеником и подвижником для церкви Божией. Когда в 1838 году сгорела деревянная церковь, в церковной кружке у него оказалось всего 30 рублей ассигнациями⁴⁵. Пётр Григорьевич заявил священникам и прихожанам, что надо строить церковь. Все начали просить старосту приложить старание. И он, действительно, все силы, всё умение, не жалея средств своих, употребил на постройку храма Божия. Постоянно ездил он в Тверь и в другие места к купцам и именитым людям, у всех просил помощи, и -- получал. Прихожан он убеждал жертвовать на построение церкви хлебом, для чего заставлял их подписывать договоры на пожертвование по мере⁴⁶ зерна с души -- ржи, ячменя или овса. Сам ездил не раз в год по деревням и собирал хлеб и все пожертвования. Крестьяне деревни Ведново согласились почти безвозмездно делать кирпичи; другие деревни обязались доставлять лес, обжигать кирпичи и подвозить его к месту постройки. Крестьяне других деревень уговорились копать бут, возить песок, известь, воду. Одним словом, весь приход, воодушевлённый церковным старостой, старался чем-нибудь оказать усердие и помощь для построения церкви Божией.

Прянишников И.М. Церковный староста

⁴⁵ Ассигнационный рубль имел хождение наравне с серебряным рублём в России в первой половине 19 века.

⁴⁶ Мерв зерна – русская народная единица измерения объёма для сыпучих тел, вмещавшая приблизительно 16 кг зерна.

И Господь благословил доброе начинание Петра Григорьевича, и старание, и усердие ко храму Божьему всех прихожан села Кушалина, около двух тысяч человек. Лет через семь - восемь был выстроен великолепный храм о трёх престолах в ряд: средний престол -- во имя Сошествия Святого Духа; по правую сторону -- во имя святого пророка Божия Илии и по левую -- во имя святителя Николая Чудотворца. Иконостас -- весь резной, вызолоченный, иконы и стенная живопись исполнены художниками Зуевым и Немцовым.

Просидев у Анны Дмитриевны до вечера, хорошо угостившись, мы отправились домой. Продрогшие лошади поскакали, а родители наши, под хмельком, надумали еще хвастать своими лошадьми, чья лошадь перегонит другую. У моего отца лошадь была рысистая, и он погнал её, обогнал двух лошадей, но затем сани раскатились, он выпал из саней и попал под сани ехавшей сзади повозки. Я и священник Судаков, ехавший с нами, остались в санях и очень испугались за жизнь отца, но, благодарение Господу, отец лишь ушибся немного, так как снег был глубокий, и, вернувшись в сани, на вопрос священника Судакова, не ушибся ли он, ещё и похвастался: «Ничего, ничего, это воробушек из саней слетел».

Этой поездкой и закончился первый день праздника Рождества Христова. Приехав домой, отец, убрав лошадь, сказал: «Теперь можно лезть и на кошачьи горы», -- то есть на печку. Да и полез... На другой день, рано утром пошёл я с отцом и пономарём Николаевским славить по селу. Мы проходили до полдён и очень сильно проголодались. Пошли домой, пообедали и опять, до поздней ночи, всё ходили по селу, так как в Кушалине было более ста домов, и снова сильно устали. Перед сном отец сказал матери, чтобы она растворила блины и завтра истопила до света, так как мы поедем славить в деревню Ведново, а деревня эта большая.

Мать проснулась рано, затопила печь и разбудила меня есть блины. Отец встал ещё раньше, занес в избу хомут и шлею, чтобы отогреть, а то в мороз трудно запрягать лошадь. Поевши блинов и гусятинки, отец пошёл закладывать лошадь. Мы выехали до света и приехали в Ведново, отстоявшее от села в пяти верстах, раным-ранёшенько.

Для начала остановились у дома крестьянина Ивана Спиридоновича, приятеля отца. Мужики и бабы, увидя нас, закричали: «Славильщики приехали!» По входе в дом Иван Спиридонович поприветствовал нас словами: «Добро пожаловать, Михайло Иваныц! А это твой малец-то?» Отец отвечал: «Мой, Иван Спиридонович!» -- «Небось, баю, и он у тебя уж учица?» -- «Как же, учится в городе; за квартиру плачу за него двадцать рублей», -- отвечал отец. «Двадцать рублей, ты бай, сколь не маленько ли! Я баю, Михайло Иваныц, нужно их приготовить?» После разговора мы пропели, что полагалось. Иван Спиридонович насыпал отцу в мешок решето овса и половину решета на мою долю, и мы пошли в следующий дом.

Нужно заметить, что все крестьяне деревни Ведново зимою жили в особых маленьких избушках-зимовках, поставленных нередко позади двора, по-видимому, для экономии дров. Чтобы попасть в такую избенку, нужно было пройти весь двор, мимо лошадей, коров, овец, птицы. Сами зимовки все были чёрные, то есть без труб, а во время топки открывалось в потолке особое отверстие над печью, дверь же отворялась настежь для тяги. Поначалу едкий дым наполнял всю хату чуть ли до пола. На время рождественских морозов хозяева впускали в избенку кур, иногда овец, свиней, а в заднем углу привязывали еще и новорожденного теленка. Малолетние дети лежали на печке, покрытые шубами.

При такой обстановке приходилось ходить по избушкам чуть ли не до полдён, то есть до времени, пока не прекращалась топка печей. Но и после обеда нам, славильщикам, было ненамного лучше. Вся деревня Ведново занималась плетением из соснового леса больших корзин, мостин, как их называли, для ношения сена и соломы. На корзины употребляли дрань⁴⁷, которая предварительно распаривалась в печи, из-за чего в избе стоял сильный угар. К тому же вся маленькая избушка была завалена дранью и корзинками. О том, чтобы где-то поесть, нечего было и думать. Нигде и ничем в Веднове не угощали. Уже перед вечером отец выпросил для меня у своего приятеля Терентия Васильевича молока, а сам так и остался голодным. За славление отплачивали здесь исключительно овсом. В зажиточных домах по решету, в бедных -- по маленькой чашке. Отец носил овёс в мешке за собой, пока не набирался мешок; затем брал другой. Со всего Веднова мы набрали мешка три-четыре.

После Веднова я ездил с отцом славить в другие деревни каждый день, до самого Нового года. Затем, после 1 января, мы с Ваней проводили почти целые дни на улице. Любимым нашим занятием было катание на скабурке. Скабуркой называлась скамейка длиной в аршин⁴⁸. Нижняя доска ее искусственно замораживалась, и вот, на такой скабурке мы и катались или попеременно возили один другого. Любили мы также ходить по льду реки Кушалки и засорять льдом проруби, в которых женщины полоскали бельё. Мы называли это безобразие взятием крепости или города. Бедные женщины, приходя на проруби для полоскания белья и видя прорубь заваленной льдом, с руганью уходили к другой проруби, но и там находили тот же лёд. Тогда они шли за мужиками, отцами или детьми, прося их прочистить проруби. Те приходили на речку и поминали с большой бранью на учинивших это.

Вечерами отец сажал меня за обиход, говоря: «Устинушка! Теперь у нас никакого дела нет, давай я поучу тебя пению». И начнёт меня учить: «Ну, пой по нотам: ми, ре, ми, фа, соль, фа, ми, ре, ут, ре!» Потом мы пели по тексту: «Все-е-ми-и-и-рную сла-ааву». А то и так было: проснёшься утром рано, отец увидит меня и спросит: «Ты уж, Устинушка, проснулся, поди на печку, погрейся! Мать, дай ему поесть молочка!» Мать подает мне на печь в маленькой деревянной чашке молоко. Поевши, отец говорит: «Ну, теперь Устинушка, я принесу тебе обиход, давай маленько поучимся». Сядем с отцом на печку, засветит он лучину, воткнет ее в стену и начнёт учить меня опять сначала по нотам, потом по тексту. Особенно трудно было мне заучить «С нами Бог». По нотам это выходило так: фа, ля, соль, фа, соль, фа, ми, ре, ут, ре, ми... За шесть дней, тем не менее, отец научил меня многому, так что я уже теперь не боялся пения, пройдя вперед далеко из того, что нужно было изучать.

Прошли праздники, приближалось время опять ехать в Тверь. Шестого января⁴⁹, вечером, я сходил к своему крёстному отцу Судакову прописать на моем отпускном билете надпись о моем поведении. Он написал, что во всё время отпуска я вёл себя хорошо, в церковь Божию ходил неопустительно. Восьмого января, утром, начала мать снова снаряжать меня в дорогу, опять укладывать разную провизию и при этом спросила меня: «Чай, Устинушка, ехать-то тебе в школу не очень хочется?» Я отвечал ей: «И рад

⁴⁷ Дрань (дранка, драница) – тонкие деревянные дощечки.

⁴⁸ Аршин – приблизительно 71 см.

⁴⁹ 6 января по церковному Юлианскому календарю соответствует 19 января общепринятого теперь гражданского календаря.

бы, маменька, гусь на свадебку не идти, да за крылышки ташат». -- «Что? Что ты сказал, Устинушка?» -- переспросила мать. Я повторил. «Откуда ты слышал это?» -- «Слышал, маменька, где-то!» Я действительно не запомнил, откуда и от кого услышал я первый раз эту пословицу.

Окончив сборы, я поехал с отцом в город. Одновременно с нами выехал из села и Арсений Васильевич Николаевский с сыном Ваней. Ехали вместе. По дороге, перед деревнями, выходили из саней, чтобы посмотреть надпись на столбе с названием деревни. И вот перед деревней Холопово мы с Ваней побежали к столбу. Арсений Васильевич закричал нам: «Ну, читайте, какая деревня?» Доска с надписью была припорошена снегом и мы прочитали: деревня Клопово. «Ну, какая же деревня, отвечайте?» Мы отвечали: «Клопово». -- «Ах вы, неучи, читать не умеете! Чему вас в школе учат? Вот как начну вас кнутом стегать (у него в руках был кнут) по спицам, так будете знать, как надо читать!» -- проговорил он в сердцах. Сконфуженные, мы сели в сани и более не любопытствовали.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Возвращение в Тверь. Первая пасхальная вакация. Службы Страстной недели. Опять хождение по приходу. Хороводы. Угощение крестьян. «Трапеза благочестивых и трапеза нечестивых». Отъезд в Тверь. Волга в разливе. Учение после Пасхи.

Приехали в город на прежнюю квартиру и в тот же день к вечеру пошли с родителями своими являться к Александру Семёновичу с билетами. По приходе отцы наши подали учителю билеты и спросили: «Хорошо ли учатся наши-то дети у вас?» Он отвечал: «Учатся хорошо и ведут себя очень хорошо. У меня они -- Николаевский, Малеин и Митропольский, сын священника села Астраганцы, -- самые лучшие ученики. Не беспокойтесь за них!» Отец мой сказал: «Спасибо вам, Александр Семёнович, что хвалите наших детей-то, нам это всего дороже». -- «Хорошие, хорошие ученики ваши дети, ступайте с Богом и будьте покойны за них», -- проговорил он, прощаясь, и мы все, довольные, вышли от учителя. Устроив нас на квартире, родители наши на другой день уехали домой, а мы начали по-прежнему ходить в училище.

По пению я показал большие успехи, и потому Александр Семёнович посадил меня около Петра Козырева, чтобы я его учил пению. Козырев носил овчинный тулуп, покрытый крашениной, холстом крашеным, который издавал весьма неприятный запах. Я, не перенося такого запаха, сидел, отвернувшись от Козырева. Заметив это, учитель спросил меня: «Малеин, что же ты сидишь, отвернувшись от Козырева, что же не учишь его?» -- «От Козырева худо пахнет!» -- ответил я. «Что такое? Худо пахнет? Чем?» -- «От его тулупа худо пахнет», -- со слезами на глазах пожаловался я, но всё-таки Козырев остался сидеть со мной.

Незаметно время дошло до Масленицы⁵⁰. На Масленицу нас отпустили утром в четверг, и опять отец приехал за мною. А в Чистый понедельник⁵¹ он снова повёз меня в город, так как на первой неделе заставляли нас говеть⁵² в городе. Приобщались⁵³ мы в Отроче Успенском монастыре. Учение постом шло довольно вяло, без особых приключений. На Вербной неделе Александр Семенович сказал нам, чтобы мы подавали билеты, так как в субботу нас отпустят домой. Отец опять приехал за мной в пятницу, а в субботу утром нас отпустили и выдали билеты. И я с радостью поехал в родительский дом со своим дорогим, заботливым отцом, к любящим меня так горячо матери, бабушке, сёстрам и тётке. И опять с великою радостью они встретили меня, и, разумеется, вечером мать вымыла меня в печи и дала чистое бельё. На другой день, в Вербное воскресенье, мы с Ваней уже стояли в церкви с вербой и свечой, и великою радостью.

Рябушкин А.П. Диакон

⁵⁰ Масленица – неделя перед Великим постом.

⁵¹ Чистый понедельник – народное название первого дня Великого поста.

⁵² Говеть – поститься и ходить в церковь во время поста, готовясь к исповеди и к Причастию.

⁵³ Приобщались (Причащались) Святых Таинств.

Страстная неделя⁵⁴ была для нас самым тяжёлым временем. Начиная со Страстного понедельника каждодневно заставляли меня ходить в церковь ко всем службам: будили рано к утрени, а потом посылали к часам и вечерне; до часов не давали ничего есть, а после окончания часов питались кое-чем: капуста кислая с квасом и луком, тёртая редька, картофель в мундире, иногда горох, кисель гороховый, кисель овсяновый без масла, щи из серой капусты... И всё это мы ели с охотой, ожидая Светлого Великого Праздника Воскресения Христова. По окончании службы родители наши занимались в церкви чисткою лампад, подсвечников, паникадил и прочими делами. Я и Ваня помогали им, и это занятие доставляло нам удовольствие. Чистка происходила всю Страстную неделю, а Великую пятницу и Великую субботу все мы проводили с благоговением.

В Великую пятницу все, кроме бабушки, отправлялись в церковь к утрени, начинавшейся с четырёх часов утра, слушать Двенадцать Евангелий. Священники, не знаю почему, читали Евангелия в алтаре, так что на клиросе не вполне слышно было, что они читали, а о стоящих в церкви людях нечего и говорить. Утреня продолжалась около четырёх часов. В одиннадцать часов утра было начало службы Царских часов. В четыре часа пополудни начиналась вечерня.

В Великую субботу к утрени начинали звонить в третьем часу утра, и служба продолжалась до шести утра, и также все мы были в церкви. В десять часов зазвонили к обедне (Литургии), а окончилась она около двух часов пополудни. Немного уже оставалось времени до наступления Светлого Христова Воскресения, и мы с нетерпением ожидали этого дня и часа.

Н.Богданов-Бельский «В церкви»

⁵⁴ Страстная неделя – неделя перед праздником Пасхи – Воскресения Христова.

Вся наша изба была переполнена ночевальщиками, мужчинами и женщинами, которые лежали на полу и на лавках, на полатах и на печке. Вот мы услышали благовест к утрени. Все богомольцы моментально проснулись, встали и начали одеваться и умываться, поднялся шум, толкотня, каждому хотелось пораньше уйти в церковь, чтобы занять место поудобнее. После всех и мы начали собираться к утрени. Я выпросил у матери сюртук, и она неохотно дала мне его. Сюртук был длинный, суконный, перешитый из отцовского сюртука; отец носил его когда был ещё архиерейским певчим. Ваня также пришёл в церковь в сюртуке. Погода стояла холодная, в церкви тоже было довольно прохладно; церковь была с чугунными полами. Я и Ваня стояли в одних сюртуках, дрожали от холода, но находили какое-то необъяснимое удовольствие надевать сюртуки в Светлый Праздник Пасхи. Стояли мы на правом клиросе. Народу в церкви было очень много. Служили два священника, и утренняя продолжалась более двух часов, а со звоном и все три. Через час после утрени начался звон к обедне. А после обедни пришли к нам из разных деревень прихожане, приятели отца, и мы все вместе, за одним столом, разговелись.

Тотчас после закуски пришёл к отцу церковный сторож и сказал: «Михайло Иванович! Тебе отец Иван велел немедленно идти к нему. Говорит, пора по приходу ходить -- богоносцы с иконами уже давно ушли». Отец попросил меня: «Одевайся, Устинушка, скорее, пойдем со мною!» Мы пришли к отцу Иоанну Судакову, он приветливо, с улыбкой встретил нас; когда мы зашли к нему в дом, я похристосовался⁵⁵ с ним, он дал мне яйцо и спросил: «И ты, крестник, хочешь ходить с нами? Ну, ладно, хорошо, ходи, ходи!»

Сначала пришли мы в питейный⁵⁶ дом, хозяин которого пользовался большим почётом среди жителей нашего села. Богоносцы с иконами уже стояли в переднем углу. Тут же были дьякон Михаил Егорович Морковкин и пономарь Иван Дмитриевич Никольский. Тотчас начали петь молебен⁵⁷. После молебна хозяин заведения просил батюшку и всех нас присесть. Когда иконы вынесли из дома, мы все сели за стол, нам предложили чаю, закуску и водку. Отец Иван от водки отказался, тогда хозяин сказал: «Ну, беленького выкушайте, батюшка!» Беленькое, или так называемое вино «Мускатель» -- изделие кашинского купца Терликова, продававшееся за виноградное вино и стоившее 25 копеек серебром за бутылку послабее и 30 копеек за бутылку покрепче. Отец Иван выпил рюмку беленького и закусил. Затем хозяин стал угощать всех остальных. Отцы посидели тут порядочно -- выпили и закусили изрядно и вдобавок получили по несколько копеек денег. Затем мы отправились в другие дома, где также нередко приглашали выпить и закусить. И пили, и ели несколько раз.

А на улице было большое веселье. Многие, подвыпивши, ходили по улице, напевая песни, иные, встречаясь, христосовались, обнимались и так шли, горячо разговаривая. На мосту через реку Кушалку парни и девицы устроили хоровод, плясали и пели хороводные песни вот для примера одна:

«Сказали мне про зайнку:

Не жив, не здоров,

⁵⁵ Христосоваться – приветствовать друг друга словами: «Христос Воскресе!» - «Воистину Воскресе!»

⁵⁶ Питейный дом – заведение, в котором продавались различные напитки (в том числе алкогольные), разнообразная закуска и выпечка.

⁵⁷ Молебен – краткое церковное богослужение, содержащее благодарственное или просительное моление. Молебны могут совершаться в храме или на дому.

Сказали мне про серого:
Гулять нейдёт.
Заинька по сеничкам
Ходил да гулял, топы, топы.
Серенький по новым
Разгуливал, гулял, топы, топы.
Некуда зайнке выпрыгнуть,
Некуда серенькому выскочить.
Уж как семеро ворот
Крепко заперты стоят,
У каждых ворот –
По три сторожа стоят.
Все сторожа
Во ряды гулять ушли,
Они ключики с замочков
По карманам разнесли.
Не хочу тафты,
Золотой парчи,
Хочу ситчику,
Полосатенького,
Беру девицу за рученьку,
Расхорошенькую...»

Ходили мы по селу с иконами и пели молебны до вечерни, а к вечерне начали звонить около сумерек. У вечерни было немного народу, так как многие были уже не в состоянии идти в церковь Божию...

На другой день Светлого Христова Воскресения служба окончилась рано, и мы в том же составе вновь отправились в село петь молебны. И всё шло так же, как и вчера: служили молебны, не раз присаживались, пили и ели, народ так же по улицам ходил весёлый; пели песни и устраивали хороводы. А в четверг на Пасхе⁵⁸ за нами прислали две подводы из Веднова. На одной поместился священник отец Иоанн Судаков с дьяконом, а на другой -- я с отцом и пономарём. В деревне нас встретили радушно, жители были довольно зажиточны и религиозны.

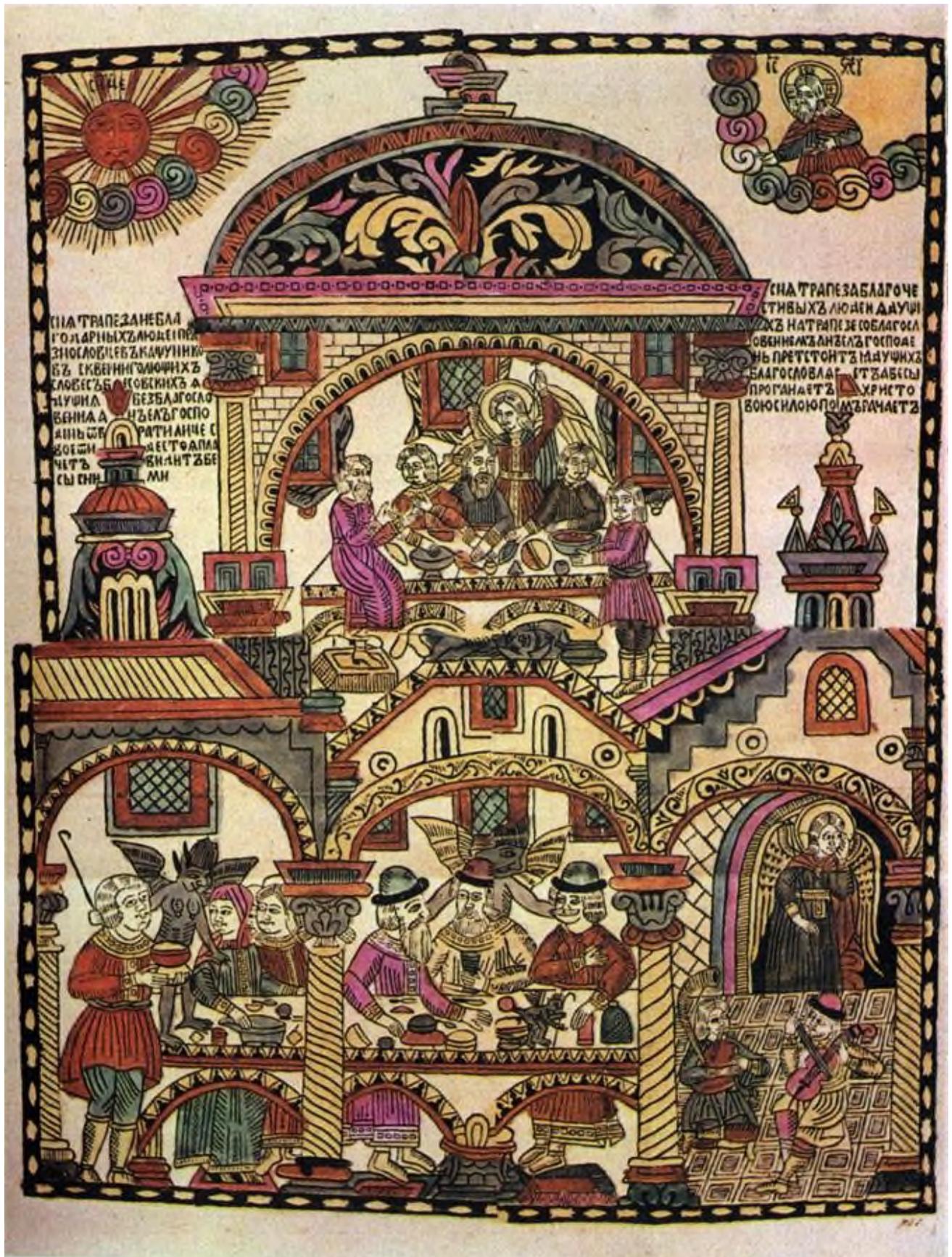
⁵⁸ Четверг на Пасхе – народное название Светлого четверга. Дни первой недели после Пасхи называются Светлой седмицей.

В первом же доме, у которого мы остановились, хозяин просил священника отслужить молебен с водосвятием. Мы все пошли во двор; ворота были отворены, двор густо устлан соломой. Лошади, коровы и вся скотина были загорожены в разных местах. Посреди двора поставлен стол, накрытый белой скатертью. На столе -- большая чаша с водою, на которую священник положил крест; кругом стола стояли богоносцы с иконами. Началось молебствие, причём с нами и животные воздвигали свой глас. Со двора, после освящения воды, пошли петь в дом. Лестница и пол в избе также были устланы соломой. В избе, в переднем углу, стоял большой стол, тоже накрытый, на столе -- хлеб для духовенства.

К Пасхе все жители из зимовок перебирались в летние избы, которые тщательно мыли и украшали. По окончании пасхального молебна хозяин, приложившись ко кресту и святым иконам, со всеми нами похристосовался и дал по яйцу. Затем, поклонившись земно священнику, хозяин попросил его присесть за стол: «Я баю, батюшка, отец Иван, после молебна-то, помолвившись, присядьте у меня, разоблачитесь, закусите маленько!» -- «Немного проходили-то, Терентий Васильевич, не устали, не проголодались», -- отвечал отец Иван. «Нет уж, как хотите, а сделайте милость, присядьте, закусите, -- просил хозяин и приказал жене, -- ну, старуха, давай всё, что там у тебя есть!» Священник и дьякон сняли облачение⁵⁹, и все мы сели за стол. Хозяйка принесла большой житный пирог с овсяной крупой и яйцами и разрешила его на части. Потом она принесла на деревянной тарелке большой кусок варёного мяса и также начала его резать; затем принесла баранины, чуть не половину барана, эту уже начал резать сам хозяин. Хозяйка принесла солёных огурцов и в заключение -- пряников-жемков.

Хозяин поставил на стол полуштоф обыкновенной водки и бутылку «Мускателя», батюшка благословил пищу, и все повторилось, как в питейном доме. Правда, здесь хозяйка дома, взяв в руки большой деревянный крашеный ковш с двумя рукоятями в виде лошадиных головок, подошла к священнику, поклонилась и попросила благословить ковш, так как она пойдёт за пивом. Получив благословение, она отправилась в подпол, там налила в ковш пива, поднесла священнику и просила его откусать ее пивца. Хозяйка пошла угощать пивом дьякона, всех нас и всех гостей, бывших в избе. Все пили, и все хвалили.

⁵⁹ Облачение – специальное одеяние, которое священнослужители надевают для совершения богослужений.

Лубок_Трапеза_благочестивых_и_нечестивых

Посидев у Терентия Васильевича, мы отправились в следующий дом, где обстановка избы была такая же, так же всё было вымыто, вычищено, так же нас ждали, на полу постлана была солома, а на передней стене около божницы развешаны лубочные картины⁶⁰. Во время молебна пономарь Никольский, слегка толкнув меня, указал на одну такую картину. Я всмотрелся пристально и очень удивился. Под картиной было написано: «Трапеза⁶¹ благочестивых и трапеза нечестивых». Сама картина разделена на две половины. На одной половине изображены были несколько сидящих прямо благочестивых человек, чинных, лица у них серьёзные, в руках ложки, посреди стола стоит большая чашка, наполненная жидкостью, и все они едят из одной чашки, а Ангел Господень с крыльями стоит около обедающих и благословляет их. На другой половине изображены были также за столом нечестивые с ложками в руках, но сидят не чинно, развалившись, толкаются и смеются; перед ними большая чашка с жидкостью и они едят из этой чашки, а над чашкой дьявол с рогами сидит орликом и пакости делает прямо в чашку. Эта картина встречалась ещё в нескольких домах, но потом я нигде не мог отыскать её...

Когда отслужили молебны дома в пяти-шести, опять начали хозяева приглашать закусить, и опять отец Иван сначала отказывался, но потом соглашался, снимал ризу и садился; разумеется, и мы усаживались за столом, причём было и некоторое разнообразие в блюдах. Вместо житного пирога подавался пшеничный, вместо говядины и баранины -- телятина, а к ней крупеник на сковороде, молочная ячменная или овсяная каша, но верхом угощения почитался подаваемый мёд в сотах, который я очень любил.

В пятницу на Пасхе, вечером, окончилось наше хождение. В Фомино воскресенье истек срок моего отпуска. Вечером я отправился к отцу Ивану с билетом для надписи о моём поведении во время отпуска. Отец Иван, конечно, написал прекрасный обо мне отзыв, благословил меня как своего крестника, пожелал быть бакалавром и дал 20 копеек серебром, за что я поцеловал ему руку.

В понедельник надо было ехать в Тверь. Ещё в воскресенье после обеда отец позвал какого-то мужичка чинить телегу. А рано утром начался наш сбор в город, как и прежде; мать начала ставить в телегу: ведёрко творогу, горшок сметаны, корзину яиц, мешок картофеля, часть баранины, и в маленькой корзинке сдобных житных лепёшек, а отец поправлял в телеге все эти продукты, вздыхал и говорил: «Не знаю, мать, как Бог нас доведёт до города, говорят, дорога -- чистая погибель». После обычного прощания с матерью и домашними, мы поехали. Одновременно с нами отправился и Арсений Васильевич с Ваней.

И, действительно, дорога была чистая погибель. Едва мы отъехали две версты от села, как лошади наши стали вязнуть в грязи. Почти вся дорога проходила лесом, почему крестьяне и прозвали её сибирскою дорогою; может поэтому и Симеон Бекбулатович⁶² был сослан Борисом Годуновым в село Кушалино, как в глухое место. Бабка моя Федосья Яковлевна говорила, что при дедах её около Кушалина жили разбойники, которые на праздники приезжали в село и крестьяне угощали их вином и пивом, причём она

⁶⁰ Лубочные картины печатались на бумаге, затем вручную раскрашивались; изображения часто сопровождалась пояснительными надписями.

⁶¹ Трапеза – приём пищи, застолье.

⁶² Симеон Бекбулатович (Саин-Булат хан) – касимовский хан, состоял на службе у Иоанна IV Грозного.

дополняла, что в те времена у каждого зажиточного крестьянина были свои ситки и они сами приготавливали вино. Разбойники все были нахальные, крестьянам было тяжело угощать их и одаривать подарками, поэтому все они сговорились истребить грабителей. Однажды, когда разбойники приехали верхом на лошадях в село, крестьяне напоили их вином и пивом допьяна, а потом всех перебили.

Отъехав вёрст пятнадцать, отцы наши сочли необходимым сделать остановку, так как лошади устали, впрочем, как и мы сами. Остановились в деревне Василёве. Тут мы все и закусили яйцами, сдобными лепёшками и бараниной, а после отдыха потащились далее. Дорога была всё такая же грязная, лошади еле вытаскивали ноги из грязи и глины. Так мы дотащились до деревни Глазково, что верстах в двух от города на берегу Тверцы.

И тут мы с ужасом увидели, что вся деревня в воде: некоторые избы покрыты водою до самой крыши, некоторые покривились, иные упали вперёд, а одна изба повернулась задом наперед. Нельзя было видеть без слёз такое зрелище! Все жители деревни выехали со своим имуществом и скотом на близлежащую горку, где и расположились. Некоторые зажгли костры и что-то варили на них, другие устроили нечто вроде шалашей, в которых лежали и сидели мужчины и женщины, а около них бегали дети; иные же бесцельно бродили взад и вперёд, опустив голову. Недалеко от людей пасся скот: тут были и лошади, и коровы, и овцы, и козы, и свиньи; тут же ходили и гуси, и куры. По словам глазковцев, такое бедствие постигло их от необыкновенного разлива реки Волги, и они уже третий день обитают тут и не знают, долго ли им придётся так бедствовать.

Обычной дорогой нельзя было въехать в город, пришлось далеко объезжать. И при въезде в Тверь мы увидели такое же необыкновенное зрелище. Набережная реки Тверцы также вся была в воде; по некоторым улицам Затверецкой части плавали лодки, в которых и доставляли обитателей в их дома. По берегу Тверцы стояло много лодок для перевоза. Это был своего рода промысел для бедных жителей этой части города. Мы остановились на постоялом дворе, и так как с лошадью невозможно было переправиться через Тверцу в Заволжскую часть, чтобы попасть на квартиру, то, отдохнув, мы взяли свои вещи и пошли к лодочникам, которые и согласились перевезти нас на другую сторону за три копейки серебром с каждого человека. Сели мы в лодку у Никитской церкви, а приплыли к ограде Отроча монастыря, за башню, причём заметили, что большая часть её скрылась в воде и у написанных на стене башни святых угодников Арсения Чудотворца и Михаила Благоверного видны только головы, хотя они изображены были во весь рост и в увеличенном виде. Набережная Волги, ниже устья Тверцы, также находилось под водой и за городом виднелась какая-то затопленная деревня. С удивлением и страхом смотрел я на это огромное водное пространство и на затопленные строения, хотя плавание в лодке доставило мне большое удовольствие, соединенное со страхом. По Волге плавали в разных местах лодки с народом, переправлявшимся с одной стороны реки на другую. Раз три нам пришлось переплывать со своими вещами через Тверцу и лодочники уже стали брать с нас за перевоз дешевле. Устроившись на квартире, мы пошли с билетом к Александру Семёновичу. Похристосовались с ним, подарили ему по яичку, он спросил, не трудна ли была дорога до города. Отец мой отвечал: «Ну уж и не говорите, Александр Семёнович, дорога -- чистая погибель!»

Ученье после Пасхи пошло своим обычным порядком до наступления тёплой погоды, а потом чем дальше, тем тяжелее становилось сидеть в классе: необыкновенная жара, всё время хочется пить, а при училище в то время и колодца-то не было близко. Пойдёшь в сторожку, где в коридоре стояло у сторожа ведро с водой, припадёшь к ведру, начнёшь с жадностью пить. А тут сторож выходит и, увидя тебя, закричит: «Ты что тут делаешь?»

Воду пьёшь? Разве я обязался таскать для вас воду с Тверцы? Давай грош!» -- «Степан, у меня нет, принесу!» -- «То-то, принесу! Ну же, пей, пей!»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Приготовление к публичному экзамену. Цветы. Торжество. Летние каникулы. Новая квартира. А.Т. Городецкий. Кривая колодка. Климентий Алексеевич. Обвал потолка в классной комнате. Путешествие домой пешком на Пасху.

Наступил июль. В первых числах начались экзамены в третьих и четвёртых классах, а потом постепенно во втором и у нас, в первом. Пришёл к нам отец ректор, спросил некоторых учеников из Священной истории и ушёл. На 15 июля был назначен публичный экзамен. Всех учеников дней на пять отпустили по квартирам для приготовления к экзамену. Ученикам первых трёх классов приказано было нарвать в поле васильков и поповников (похожи на ромашки), нанизать на нитку того и другого цветка по сажени и сдать в четвёртом классе старшему ученику. Взамен васильков и ромашек можно было принести несколько садовых цветков — пионы, розы, левкой, гвоздики. И вот для этого мы ходили по Твери и, где находили перед домами палисадники с цветами, останавливались, снимали картузы и стояли до тех пор, пока кто-нибудь не показывался из дома. При виде кого-либо мы начинали просить дать нам цветочков для публичного экзамена. В некоторых домах нам давали кое-какие цветы, и мы низко кланялись, благодарили дающих; в других домах нам со смехом отказывали.

К. Лемох В лето. С поздравлением

Весь четвертый класс был занят убранством зала, в котором должен состояться публичный экзамен. Из еловых ветвей было сделано двенадцать столбов, по два столба в ряд, а между ними проходы. Столбы были поставлены кругом. Из цветов сделали несколько люстр с инициалами «Г.А.Т.», что означало Григорий, архиепископ Тверской, и укрепили их наверху между столбами. К потолку прикреплены были головками вниз цветы кувшинок. На полу разостлали большой ковёр, сделанный из живых цветов -- васильков и ромашек, толщиной в два вершка, с большим двуглавым орлом посередине и с инициалами. Посередине зала, в кругу между столбами, поставлен был стол, покрытый зелёным сукном с золотыми кистями. По сторонам -- кресла и стулья. На столе -- несколько ваз с великолепными садовыми цветами.

15 июля, в девять часов утра собрались в зал начальство, учащие и учащиеся. Пришли архиерейские певчие. Все стояли в ожидании приезда архиерея. Приехали также губернатор, директор гимназии, городской голова и другие почётные лица города. Вдруг раздался звон в одной церкви, затем в другой, третьей. Все встревожились: начальство и учащиеся из зала вышли на тротуар. Вот приехала карета с архиереем. Начальство вывело архиерея из кареты и под руки повело в зал. Едва архиерей вступил в дверь, как певчие запели: «Днесь благодать Святаго Духа нас собра...» -- и после: «Исполла эти, деспота»⁶³. Затем стали подходить к архиерею для благословения губернатор, директор гимназии и все начальствующие и учащие. Благословив всех, архиерей сел во главе стола, в центре его. За ним сели и все приглашённые. Тотчас из-за столбов вышел на середину один ученик и, став рядом с ковром, сказал речь.

После речи архиерей начал вызывать по списку учеников и стал задавать им вопросы по разным предметам. Ответы произносились иногда на латинском и греческом языках. Спрашивали первых учеников, о чём будут спрашивать, заранее было известно. Экзамен продолжался более двух часов. По окончании экзамена певчие запели: «Тебе Бога хвалим». Архиерей встал и начал прощаться со всеми, опять благословляя каждого, кроме учеников. После ухода архиерея и других приглашённых лиц, нам, ученикам всех классов, зачитали переводные списки. Я и Ваня были переведены во второй класс. Радости нашей не было пределов. Нам выдали билеты как ученикам второго класса с прописанием, что увольняемся в дом родителей сроком от 15 июля до 1 сентября 1843 года, а кроме того, мне и Ване с похвалой выдали по наградной книжке: «Ходи в дом Божий с особым усердием» и «Слово высокопреосвященнейшего Григория, архиепископа Тверского и Кашинского, сказанное при освящении церкви», не упомяну какой. Придя на квартиру, мы изорвали тетради чистописания, чернильницы разбились о камень, перья изломали. Одним словом, не знали, что нам делать от радости.

Вечером за мною приехал отец. За Ваней тоже приехал его отец. Переночевав, рано утром мы выехали из города и около полудня приехали домой. Ещё не подъехали к дому, как я выскочил из телеги и, увидя встречавших нас мать, бабушку и всех семейных, закричал: «Маменька! Меня перевели во второй класс и дали мне и Ване по похвальной книжке, а отпустили нас до 1 сентября!» Мать со слезами на глазах отвечала: «Ну, слава Богу, Устинушка, вот теперь и отдохнёшь!» Бабушка, тётки, сёстры и брат, маленький Петя, -- все также с радостью обнимали и целовали меня.

На другой день по приезде, я и Ваня отправились на реку Кушалку ловить рыбу решетом. Рубашки свои мы подняли и засучили до самого воротничка, а шею обернули

⁶³ «Исполла эти, деспота» (многая лета, владыко) – пожелание архиерею многих лет жизни.

портками, как шарфом. Ловили пескарей, небольших плотиц и менюшек (маленьких налимов). Ваня был искуснее меня в ловитве, у меня рыба чаще выскакивала из решета обратно в воду, и я чуть не плакал с досады, а Ваня смеялся надо мною. На следующий день мы отправились в лес Сосуновку за грибами. Здесь я больше находил грибов, так как Ваня был близорук, и уже я над ним подтрунивал.

Н.Богданов-Бельский «Мальчики»

Во время сенокоса мы помогали своим родителям ворошить и грести сено, а вспотевши, все купались в реке Кушалке без всякого стеснения. В жатву я носил своим жнеям завтрак из дома и в шапке воду из ближайшего ключа, так как у жней была большая жажда от сильного солнечного зноя и тяжёлой работы. А Ваня даже жал. Учили и меня жать, но я, владея лучше левой рукой, не мог держать серп в правой и жать; тогда отец сказал: «Оставьте его, а то срежет правую руку, и нельзя ему будет писать». Так меня и освободили от жатвы. Когда поспело жито, меня заставляли собирать упавшие при жатве

колосья. В августе ходили почти всем семейством за брусникой. Отправлялись обыкновенно утром и собирали ягоды чуть ли не до вечера, претерпевая и голод, а более -- жажду. Нередко, во мху, пили воду из-под ноги. Нажмёшь крепко ногою мох, покажется вода, и вот пригоршнями обеих рук берёшь эту воду и пьёшь.

А.Кившенко «Жнитво (Дети несущие в поле обед жнецам)»

Во все воскресные и праздничные дни я ходил в церковь, становился на клирос и пел вместе с Ваней, за что от Антона Кузьмича и получали по грошу, а иногда и по копейке серебром, которые мы по обыкновению в тот же день и проигрывали крестьянским ребятишкам.

Приближался сентябрь месяц. В последних числах августа опять отслужил нам молебен отец Иоанн Судаков, не забыв пожелать мне стать бакалавром. 31 августа я сходил к нему с билетом. Он сделал на билете самую хорошую надпись обо мне и дал какую-то серебряную монету, пожелав при этом хороших успехов. В тот же день отец опять призвал мужичка чинить телегу. Мужичок, осмотрев её, сказал: «Надо бы, Михаил Иванович, новую тележонку оговорить!⁶⁴» -- «Надо бы, надо бы, да три деньги в день -- куда хочешь туда и день, суймы-то⁶⁵ не хватает. Почини уж как-нибудь эту», -- ответил отец. Крестьянин принялся чинить. А наутро мы поехали.

⁶⁴ Договориться о том, чтобы сделать новую телегу.

⁶⁵ Суйма -- сумма, количество денег.

На квартире нас ждал, однако ж, неприятный сюрприз. Хозяйка объявила нам, что более не намерена держать квартирантов и чтобы мы приискали другую квартиру. Озадаченные этим, мы пошли искать себе новую квартиру. Так мы пришли на 2-ю Троицкую, где в двухэтажном доме мещанки Мавры Григорьевны уже жили несколько квартирантов из училища. К ним поселились и мы -- Ваня Николаевский, его родственник Ваня Груздов и я. Так мы и жили трое. Нам дали прозвища: Груздову -- Волк, Ване Николаевскому -- Лисица, мне -- Заяц. Прозвища эти вполне соответствовали каждому из нас. Груздов, имея отличные способности, не старался учиться, делал разные шалости, был отчаянный, удалой. Николаевский, красивый собою, учился отлично, умный, но был не без хитрости и первенствовал над нами. Я от природы был трусливый, всего боялся -- настоящий заяц.

Переселившись на новую квартиру, пошёл я с отцом являться с билетом к учителю второго класса Александру Тимофеевичу Городецкому. Встретил он нас ласково, отец просил не оставлять меня своим вниманием. Александр Тимофеевич сказал, что слышал от Быкова о Малеине и Николаевском как о хороших учениках, и, обратясь ко мне, молвил: «Учись так же хорошо и у меня, Малеин.» Я со страхом ответил: «Буду стараться!»

Дома я стал просить у отца купить мне карандаш, чернильницу, бумаги и перьев. Отец удивился: «Ведь у тебя была чернильница, куда она девалась?» -- «Не знаю», -- ответил я. «Пожалуй, что и перья оставались, и бумага? Где всё это?» -- продолжал отец. Я опять отвечал, что не знаю. «Надо было всё это припрятать, вот теперь иди и покупай!» -- недовольным голосом проворчал отец и принуждён был все это покупать для меня вновь.

В конце сентября он приехал в Тверь проведать меня на новой квартире и привезти домашних харчей, которыми я только и питался. Я начал просить отца заказать мне новые сапоги на косую колодку, так как мои стали уже стары, к тому же и сшиты «булочками», и надо мной смеются. Отец отвечал: «Ох, уж, эта мне кривая колодка -- терпеть не могу! Ну, пойдем к сапожнику -- укажи, к какому?» -- «К Григорию Андреевичу», -- отвечал я радостно.

Григорий Андреевич был из дворовых барских людей, шил обувь весьма прочно, брал хорошую цену, но, замечательно, никогда не мог сшить сапоги впору. Сошьёт -- или велики, а чаще -- тесны. Сапожник показал отцу готовые сапоги на косую колодку, очень красивые. Я примерил их и, хотя они были тесны, сказал отцу: «Сапоги впору!» Отец ответил: «Смотри, не тесны ли, ведь нога растёт!» А сапожник, желая продать, уверял, что сапоги раздадутся, и я просил отца купить эти сапоги. Нехотя поторговавшись, отец что-то дорого заплатил за эту косую колодку, полтора целковых. Сапоги же оказались тесными, и я с трудом надевал их, но молчал.

Новая квартира отстояла от училища дальше, чем старая, приходилось уходить из дома раньше, так как часов не было и не хотелось опаздывать. Мы забирались в класс рано, потом выходили из класса во двор и шалили, бегали, боролись, а в восемь утра дежурный уже записывал опоздавших, за что полагалось наказание.

Около этого же времени приходил к воротам училища и гречишник (продавец гречевников) с лотком на голове -- Климентий Алексеевич, крестьянин. Это был замечательный человек, он был очень вежлив, тих. Невозмутимый, честный, он имел располагающую внешность и громадную память, знал по имени и отчеству всех учеников третьего и четвёртого классов, которым продавал гречевники в долг. Приходил он каждый день. Едва подойдёт к воротам, как в училище закричат: «Братцы! Климка пришёл, бегите!» Как только Климентий Алексеевич уставит свой лоток, его обступят ученики

третьего и четвёртого классов и закричат: «Климентий! Давай мне три тройки гречевников!» -- «Климентий, давай мне две тройки!» -- «Мне тройку давай скорее!» А Климентий Алексеевич тихо ответит: «Погодите, дайте осмотреться! Иван Михайлович, вам три тройки?» Тройка гречевников стоила пять копеек ассигнациями, или полторы копейки серебром. «А деньги?» -- «Ну какие там деньги? Сказано, после Рождества отдам, давай скорее. За мной будет пятнадцать троек», -- торопит проголодавшийся Иван Михайлович. «Пятнадцать троек было за вами, Иван Михайлович, в прошлый раз, теперь будет восемнадцать троек», -- отвечает Климентий. «Ну, всё равно отдам, давай скорее!»

Климентий разрезывает каждый гречевник вдоль на две части, поливает на каждую часть немного конопляного масла из кубышки, потом берёт другой гречевник, проделывает с ним то же самое, затем третий гречевник и, изготовивши тройку, передаёт гречевники покупателю Ивану Михайловичу; потом -- другую и третью тройку. Тут же пристаёт к Климентию Пётр Михайлович, другой ученик, и кричит также: «Давай, Климентий, мне две тройки!» -- «А деньги?» -- спрашивает Климентий. «Деньги после Рождества отдам». -- «Смотрите же, Пётр Михайлович, не обманите, за вами уже много должку-то». -- «А сколько? Двадцать троек!» -- «Нет, Пётр Михайлович, не двадцать, а двадцать три, да теперь берёте две тройки, будет двадцать пять». -- «Врёшь ты, Климентий». -- «Помилуй Бог, зачем врать!» -- «Ну ладно, отдам, давай только скорее!» И Климентий даёт две тройки. Приступают ещё несколько учеников, которым также Климентий отпускает гречевники, и большей частью в долг. Смирненно приближаются к Климентию ученики второго класса и просят отпустить им гречевники в долг. Климентий тихо говорит им: «Малы, малы ещё, когда вырастете побольше, тогда дам!» И, скучные, ученики отходят прочь. Бегут другие второклассники и первоклассники с деньгами: «Климентий! На два гроша, давай пару! На пятак, давай тройку!» Подходит также один маленький ученик с грошом: «Климентий, на грошик, дай гречевничек!» А у Климентия не осталось ни одного гречевника, и он говорит этому малышу: «Приходи в перемену, я принесу горячих!» И приходит в перемену, и опять у него всё разбирают.

После Рождества Христова, когда ученики возвращались в город на квартиры, Климентий начинал ходить по домам, собирать долг. Как кто из учеников увидит его на улице, бежит скорее на квартиру и кричит: «Братцы! Климка ходит! Запирай ворота!» Подойдёт Климентий к воротам, постучит -- заперто! И стоит он у ворот, пока кто-нибудь не выйдет из квартиры. Климентий спрашивает вышедшего: «Дома ли Пётр Михайлович?» И, получив утвердительный ответ, робко входит в квартиру, вошедши, перекрестится и становится у двери. Должник Пётр Михайлович, сидя за столом, резко спрашивает Климентия: «Что скажешь, Клим, зачем пришёл?» -- «Должку получить с вас надо, Пётр Михайлович!» -- отвечает Климентий. «Должку? Ну, брат Клим, деньги те, что я привёз из дома, уже израсходованы, что ж ты раньше не приходил?» -- «Помилуйте, Пётр Михайлович, ведь и нам нужны деньги: на квартиру, на дрова, на муку; поищите, не найдёте ли где-нибудь деньжонок-то?» -- «Ну, вот последний двугривенный отдаю тебе, остальные после отдам!» Получив двадцать копеек серебром Климентий, поклонившись, тихо уходит в другую квартиру; нелегко ему приходилось собирать деньги со своих должников, так и ходил он по домам допоздна.

Учились мы все трое хорошо. Учитель Александр Тимофеевич был горячего характера. Ленивых учеников наказывал, не прочь был давать и щелчки по голове и таскать за волосы. Но мы избегали наказаний. И всё шло так плавно, хорошо; на Рождество и Масленицу отец брал меня домой, сам всегда приезжал за мной, сам и обратно отвозил.

Так мы проучились до Вербной недели Великого поста. А во вторник на этой неделе случилось необыкновенное происшествие.

Во время урока в четвёртом классе вдруг последовал необыкновенный треск на потолке, моментально посыпалась с потолка штукатурка, а вслед за нею упала большая часть потолка. Ученики, как только услышали треск, успели выскочить из класса; некоторых обсыпало штукатуркой, но все, благодаря Господу, остались невредимыми. Немедленно дали знать ректору. Он пришёл, осмотрел повреждение и велел распустить всех учеников по домам. Учителя велели нам изготовить отпускные билеты и принести им на квартиру для подписи, что мы и исполнили.

Односелец мой и Вани, ученик четвёртого класса Леонтий Садиков, заявил нам, что пойдёт домой пешком и скажет нашим отцам, чтобы они приехали за нами, но я и Ваня со слезами начали просить Леонтия взять и нас с собою: «Лёвушка! Возьми и нас с собою, мы не останемся здесь!» -- «Да вам не дойти до дома-то, ведь 33 версты, а дорога тяжёлая, везде ручьи текут; в ином месте не перейдёшь ручей-то!» Но мы неотступно просили Лёвушку взять нас с собою. Лёвушка был высокого роста, крепкого телосложения. Мы всё продолжали плакать и упрашивать Лёвушку, так что он сжалился над нами: «Ну, сряжайтесь, пойдём! Что с вами делать. Будь что будет!»

Я с трудом надел свои сапоги на косу колодку. Поели, оделись и пошли. Когда шли городом, я всё подпрыгивал и говорил: «Как хорошо идти, так и дойдём до дому». А Лёвушка отвечал: «Иди смирно, устанешь ещё, погоди!» -- «Нет, не устану!» — отвечал я. «А вот увидим!» Как только вышли за город, я начал идти всё тише, сапоги жали ноги. Отойдя ещё немного, я со слезами сказал: «Лёвушка! Я устал, идти не могу, давай отдохнем!» Лёвушка заметил мне: «А кто говорил, что не устану, ведь всего четыре версты прошли, как же дальше-то пойдём?» Я молчал. «Ну, сядьте! Ваня, садись!» Все посидели недолго. Пошли далее.

Через несколько минут я снова закричал: «Лёвушка! Я устал!» Лёвушка сердито возразил: «Не знаю, что с тобой делать!» Подумав немного, он сказал: «Садись ко мне на спину, Устинушка!» Я стоял молча. «Садись же! Тебе говорю, обхвати меня за шею сзади, и я понесу тебя», — проговорил Лёвушка и при этом присел. Я зашел сзади его и ухватил за шею; Лёвушка встал и, обхватив меня руками под копчик, понёс. Нёс меня Лёвушка таким манером более версты, потом остановился и сказал: «Ну, довольно, Устинушка! Теперь иди сам!» Отошли еще версты две-три. Ваня закричал: «Лёвушка! Я устал, идти не могу!» Лёвушка рассердился: «Что же, Ваня, теперь тебя надо нести? Ну, садись на меня, как сидел Устинушка». Ваня тотчас ухватился обеими руками за его шею, и Лёвушка понёс его, как недавно нёс меня. Пронёс он Ваню с версту или полторы и остановился, с лица его капал пот. «Как хотите, братцы, давайте отдохнём, а потом как-нибудь доберёмся до деревни Василёво, там поедем и отдохнём побольше», -- тяжело дыша, проговорил Лёвушка. Мы приняли это с радостью. До Василёва оставалось версты три-четыре. Отдохнув, мы без приключений дошли до деревни, и едва вошли в улицу, как нас догнали крестьянин с женою из Кушалина. Лёвушка, увидев их, начал просить, чтобы они немедленно дали знать моему отцу и отцу Вани, что мы идём и чтобы они тотчас выехали навстречу нам. Крестьянин обещал в точности исполнить его просьбу. Обрадованные надеждой, мы вошли в какую-то избу, где поели чёрного хлеба, взятого с собой. Более запасов не было никаких. Мы легли на лавки отдохнуть, а после отдыха продолжили путь.

Как только вышли из деревни, я почувствовал, что ноги у меня распухли, отекли; с трудом я прошёл верст около трёх, далее идти не мог и простонал со слезами: «Лёвушка,

Лёвушка! Я далее не могу идти». «Ну, вот, ты какой! — отвечал Лёвушка. — Ведь недавно отдыхали? Ну, пройдем немного, а потом и отдохнем!» Но я после этих слов заплакал сильнее и заныл: «Не могу идти!» Тогда Лёвушка сказал: «Ну, садись на меня! Я понесу тебя! Не бросать же!» Я ухватился за шею Лёвушки, и он понёс меня. Сколько он нёс меня, не могу точно определить, но когда отпустил, и мы прошли немного, то увидели наших отцов, едущих нам навстречу на двух санях. Дома мать с трудом стащила сапоги с моих ног. Ноги оказались опухшими, красными, на пальцах и пятках -- водяные мозоли. Я обулся в валяные сапоги и не мог выходить из избы до Вербного воскресенья. А сапоги мои на кривую колодку отец унёс сапожнику Ермолаю расколотить.

Так и окончилось наше неожиданное путешествие на родину. Страстную неделю и Пасху я провёл обычным образом: ходил с отцом во время Пасхи по приходу, получал яйца, гроши и копейки, видел в домах ту же обстановку, те же картины, как и в прошлом году, изредка лакомился мёдом. А в Фомин понедельник отец снова повёз меня в Тверь, предварительно починив телегу и посетовав, как обычно, приглашённому для ремонта мужику: «Не знаю, как ехать будем! Дорога -- погибель!» Дорога от Кушалина до Твери была просто ужасной, невозможной. Нередко валялись вдоль обочины сломанные оси, разбитые колёса, части от телег. Но, благодарение Господу, мы всё-таки доехали и на сей раз.

Два года учения⁶⁶ также прошли без остановок и приключений. Меня и Ваню перевели в третий класс. А приехавший за мной отец объявил, что мать родила брата Ваню с беленькими волосами. Дома я нашёл мать лежащей в постели, а Ваню, брата моего, в люльке около матери. Я поцеловал Ваню, а он заплакал. Мать спросила, перевели ли меня в третий класс. Я ответил, что переведён в первом пятке⁶⁷. Она перекрестилась и вымолвила: «Слава Богу! Слава Богу! Устинушка, учись всё так!»

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Третий класс. Ваня Николаевский поступает в архиерейские певчие. Древние языки. Нотата. Я избираюсь в аудиторы и подвергаюсь сечению. Инспектор Д.П. Волков. Холера. «Купались, мальчики, купались». Переход в семинарию.

В третьем классе учение было много труднее против второго класса, но в самом начале моего и Вани учения в третьем классе, как-то пришёл в послеобеденный урок регент архиерейского хора Николай Иванович Дмитровский и начал пробовать голоса учеников.

⁶⁶ Обучение в каждом классе, кроме первого, длилось два года.

⁶⁷ Первый пяток – пять лучших учеников класса.

У Вани Николаевского оказался хороший тенор, и регент записал его в хор, а через несколько дней Ваню взяли в Трехсвятский архиерейский дом, где жили и учились певчие его высокопреосвященства. Грустно мне было расставаться с милым, дорогим другом и товарищем. Как-то он пришёл навестить меня. Одет он был в сюртук и шинель суконную синего цвета, говорил, что учат слабо и что его готовят в исполатчики (солисты). Я не без зависти смотрел на него.

Потом приехал ко мне отец мой и объявил, что к сестре моей Ольге посватался жених -- причетник⁶⁸ тверской Екатерининской церкви Андрей Алексеевич Предтеченский, и что в скором времени будет свадьба, и что, вероятно, будут присланы на моё имя деньги из Кашина от брата моего отца -- Андрея Ивановича. Действительно, в скором времени я получил повестку на 21 рубль ассигнациями. Я сказал об этом учителю и, не помню, с каким-то старшим учеником отправился на почту за получением денег. Со страхом вступил я в почтовую контору. Почтмейстер спросил мою фамилию, потом -- от кого присланы деньги, и лишь после того дал мне расписаться в книге и вручил письмо с деньгами. Деньги сразу же осложнили мою жизнь. На квартире я спрятал их в коробочку и очень боялся, как бы их не украли, так как коробочка не запиралась. И вот, начал я из какой-то дощечки долбить перочинным ножичком ящичек, чтобы упрятать в него деньги, но обрезал на правой руке указательный палец, да так, что шрам от раны остался на всю жизнь. Беспокойство моё о деньгах дошло до того, что я стал просыпаться по ночам и подолгу смотреть на коробку, где они лежали. Хорошо, что скоро приехал отец и я отдал ему конверт...

К тому времени Ванин отец узнал, что сынка его взяли в певчие, приехал в Тверь и, памятуя, что певчие учатся худо, взялся хлопотать, чтобы Ваню исключили из хора. Не без труда и многочисленных просьб удалось вызволить Ваню из Трехсвятского (чем он был не особенно доволен), и он опять поселился со мной, причём я заметил, что за это время опередил его в знании латинского и греческого. Я очень обрадовался Ване, а он молчал.

С третьего класса у нас было введено преподавание древних языков: сначала латинского, а потом греческого. Тогда же ввели и нотату -- список учеников по порядку, сообразно с занимаемым местом по успехам в учёбе. Для каждого пяти учеников назначался аудитор из лучших учащихся. Аудитор⁶⁹ до прихода в класс учителя обязан был прослушать уроки у своих подопечных и внести в нотату соответственный знанию каждого балл: 4, 3, 2, 1.

Дело, разумеется, не обходилось без пререканий и просьб поставить отметку повыше баллом, но за неправильную отметку аудитора наказывали. Тогда же наказали и меня, кажется, впервые за время учёбы в школе. Учитель спросил у одного ученика урок, тот ответил плохо. Учитель заглянул в нотату; отметка ученику в знании урока была выставлена мною три балла. «Кто аудитор?» -- спросил учитель. И, заглянув в нотату, прочёл: «Ма-ле-ин». Учитель закричал: «Что же ты, Малеин, так худо слушаешь урок у своих учеников и отмечаешь в нотате! Пошёл к порогу, высечь его!» Я отправился к порогу и с досады не стал просить пощады. У порога уже стоял секарь Фёдор Никольский, с охотой исполнявший эту должность, держа в руке лозу из трёх бредовых (ивовых) прутьев длиной более аршина. Я снял своё верхнее платье и, обнажив мягкую часть тела,

⁶⁸ Причетник – младший церковнослужитель.

⁶⁹ Аудитор – это название ученика, проверяющего знания своих одноклассников, сохранялось до 1917 года.

с отвращением лёг на пол. Фёдор Никольский со всего размаху ударил меня лозою; я закричал громко и повернулся несколько набок. В этот момент Никольский ударил меня второй раз и концом лозы задел очень чувствительное место. Я закричал нечеловеческим голосом. Учитель приказал: «Оставь его! Не стегай больше!» Я кое-как оправил одежку и выбежал в коридор проплакаться.

В начале урока один из первых учеников читал молитву «Царю Небесный», после этого учителя обычно садили и брали нотату, смотрели на баллы учеников и выкликали⁷⁰ на середину класса получивших 2 и 1. Первых заставляли становиться на колени около парт, а вторых отсылали к порогу для сечения розгами, где их уже ожидал экзекутор Фёдор Никольский; причём все просили у учителя помилования, выставляя разные причины, которые помешали выучить урок. Одни говорили, что сильно болела голова, другие, что к ним приехали родные, отец или мать, а третьи и прямо заявляли, что не могли выучить -- память плохая. Но некоторые возражали, что они урок знают и аудитор поставил им в нотате неверный балл. Выслушав все заявления и просьбы, учителя иных подвергали сечению, других заставляли стоять на коленях до окончания занятия; заявивших же о знании урока выслушивали, и если ученик отвечал хорошо, то его отсылали на место, и тогда он говорил, что аудитор на него нападает, и просил перевести к другому. Тут уже спрашивали аудитора, почему он поставил плохую отметку такому-то, и обычно аудитор отвечал, что ученик уже после опроса выучил урок, что и случилось на самом деле.

Почти каждый месяц учитель делал пересадку учеников, после которой недовольные местом ученики заявляли учителю, что они хотели бы поспорить знаниями с получившим повышение учеником. И вот недовольный местом, например Покровский, заставлял Панова что-нибудь переводить или склонять, и если Панов отвечал худо, то его перемещали на место Покровского -- в понижение, а Покровского на место Панова -- в повышение. Но эти случаи бывали редки и учитель не всегда исполнял заявления недовольных.

Изучение греческого языка давалось нам ещё труднее, чем латинского. Почему-то не было в продаже «Граматики греческого языка» и мы с большим трудом отыскивали её у семинаристов или исключённых за неуспеваемость учеников. Зато и учебник такой было неприлично в руки взять: без начальных страниц и без последних, с оборванными и засаленными листами, облитыми чернилами и исписанными разными надписями. Новой, чистой «Граматики» я так и не видал, а купил за 25 копеек серебром какую-то старенькую-старенькую.

После двухгодичного, как тогда полагалось, сидения в третьем классе меня и Ваню перевели в четвёртый класс в числе первых учеников. Но в четвёртом классе мне пришлось разлучиться с другом моим Ваней и жить врозь. Отец мой, выдав сестру мою Ольгу замуж за причетника Екатерининской церкви Предтеченского, имевшего свой дом за Твердой, перевёл меня на житьё к нему. Ваню же пригласил к себе на квартиру инспектор Волков, как благонаправленного, умного и красивого ученика; хотя отцу Вани, Арсению Васильевичу, и трудно было содержать его на такой дорогой квартире, но отказаться было неудобно. Бедный Арсений Васильевич чем мог уплачивал инспектору за содержание сына: возил дрова, поставлял ржаную муку, продукты. Меня, как хорошего

⁷⁰ Выкликать – громко вызывать по имени, по фамилии.

ученика, инспектор Волков назначил старшим над учениками Затверецкой части города; я ходил по квартирам и следил за учением и поведением учеников.

В 1848 году в Твери вспыхнула холера, и нас отпустили домой в середине июня, без всяких экзаменов. Получив билеты, я и Ваня отправились пешком домой. Перед домом встретили меня бабка и мать, и начали окуривать можжевельником, а я смеялся. В двадцатых числах июня отцу зачем-то надо было ехать в Тверь. Он поехал, а на другой день я и брат Ваня пошли его встречать и встретили у огорода, где лежала солома; мы подбежали к отцу здороваться, а он нам сказал: «Захватите с собой два снопа соломы и бегите скорее домой, скажите матери, чтобы она пробрала печь, мне нездоровится».

Мы побежали с соломой домой, передали её матери и сказали, что встретили отца и он велел подготовить печь, ему сейчас надо попариться. Мать испугалась и немедленно принялась хлопотать около печки; тем временем подъехал и отец. Он был бледен, говорил, что ему худо, тошнит и болит живот. Его вырвало при нас. Мать помогла отцу немедленно влезть в печь, дала ему берёзовый веник и он начал париться, похлёстывая себя веничком. Я сходил за водкой в кабак, купил также жгучего стручкового перца, и по выходе отца из печи мать натёрла его водкой с перцем и дала выпить. Бог дал, отец поправился; и в Кушалине ещё не было холеры.

Но вот накануне Иванова дня (24 июня /7 июля) несколько крестьян из села поехали в Тверь. Иванов день там особенно почитался, в этот день бывает обнесение кругом собора, а потом и по городу мощей святого благоверного князя Михаила Ярославовича Тверского, убитого мученически в Орде (в 1318 году). Стечение народа бывает большое.

Прянишников И.М. Крестный ход

В это время в Твери умер холерою богатый купец Решетов. Для поминовения его во дворе поставили столы с питьями и яствами для всех проходящих, без разбора. Некоторые кушалинцы были на этом обеде. Дома все они заболели холерой, и большинство из них

умерли. Тогда и начала свирепствовать холера не только в Кушалине, но и в окрестных сёлах и деревнях. В это время начались покосы. Жителям приходилось ночевать в пустошах, спать на земле, питаться кое-чем; от того многие и умирали в лугах и перелесках. Умирали быстро. Покойников в церковь не вносили, а отпевали их священники на кладбище, стоя далеко от покойника. Но особенно много умерло в день храмового праздника святого пророка Илии (20 июля /2 августа), -- в одном только Кушалине семнадцать человек.

В тот день мы вчетвером -- я, Ваня и товарищ из другого села, Ивановский, сын вдовы дьякона, и сын хозяйки питейного дома Семён -- играли в лесу, купались в Кушалке и вообще весь день проводили вместе, а проснувшись утром на другой день, я узнал, что Сеня и Ивановский умерли. Услышав такую весть я очень сильно испугался и весь день не находил себе места. Всего в Кушалинском приходе умерли холерою свыше двухсот человек. В конце августа холера прекратилась, а 1 сентября отец повёз меня в Тверь продолжать учение в четвёртом классе.

В Твери я узнал, что умерли несколько моих товарищей. В Твери также умерли и несколько священников: соборный священник И.Г. Рубцов, Покровской церкви -- Сеницын и священник Троицкой церкви за Волгой. На место последнего поступил учитель Александр Семёнович Быков, учивший меня в первом классе. К Покровской церкви определён был учитель Городецкий, а в собор поступил магистр богословия Григорий Петрович Первухин, известный проповедник.

Жить у сестры Ольги мне было довольно хорошо. Со мною квартировали вместе три брата Иерусалимские -- Николай, Пётр и Иван, ученики третьего, второго и первого классов. Рядом с домом зятя Предтеченского был дом дьякона Екатеринбургской церкви Каталымова. К этому дьякону ходил в гости инспектор Волков, человек высокого роста, с бакенбардами, довольно тучный, не прочь выпить, ласковый с красивыми учениками и охотно слушающий доносы и шпионство. Любовью среди учеников он не пользовался, его звали среди учеников «Бардадым». И вот в один прекрасный день, когда инспектор был у дьякона, мне пришла мысль искупаться, а купаться нам было строжайше запрещено.

День стоял жаркий, и я, подзвав Иерусалимских, сказал: «Братцы! Бардадым сидит у дьякона, ещё долго там пробудет, пойдем искупаемся в Волге!» Иерусалимские засмеялись, закричали от радости, и вчетвером мы отправились вниз по Волге. Дошли до кладбищенской церкви, разделись на берегу и побежали в реку. Сколько радости, сколько удовольствия было плескаться в воде, а потом выбежать на берег и упасть на горячий песок, повалиться на нём и снова бежать в воду! Трудно описать наш восторг!

Но, тут мы увидели, что кто-то идёт как будто к нам: всматриваемся, и, о ужас -- к нам подходит Бардадым! Пропало наше веселое настроение; ни солнце красное, ни водица чистая не стали нам милы, а сердце в груди так и застучало, заныло. Мы застыли в реке как вкопанные и не знали, что нам делать, а инспектор подошёл к нашему белью и остановился. Мы все вышли из воды и начали ему кланяться, прося прощения, а он, смеясь, говорил: «Мальчики, купаться, купаться! Разве можно купаться, когда не велят?» Затем он сказал: «Ну, одевайтесь!» -- и пошёл прочь.

На другой день нас всех позвали к инспектору, и, когда я вошёл, все братья Иерусалимские были уже там, а в углу стоял Андрей Плетнёв с розгою. Инспектор сидел за столом. Когда он увидел меня, то начал повторять: «Мальчики купались, купались, вот теперь вас за это и накажут. Николай Иерусалимский, ложись!» Тот лёг. «Плетнёв, постегай его!» Плетнёв начал стегать, потом секли Петра и Ивана. Очередь дошла до

меня. Инспектор сказал: «Ну, теперь ты ложись, Малеин!» Я ответил: «Простите, Дмитрий Павлович! Я ничего дурного не сделал, я лишь наблюдал за младшими, как они проводят свободное время». Но он был неумолим: «Ложись, ложись и тебя постегают. Не купайся впредь!» Я лёг и Плетнёв меня тоже высек... Встав, я крайне озлобился на инспектора, начал ему говорить: «За купание вы наказываете, а купание нам необходимо, ведь в баню мы ходим редко, а сейчас погода стоит жаркая! Тогда уж увольте меня и от должности старшего, я не могу наблюдать за другими учениками». Инспектор нахмурился: «Принеси мне твой журнал». Я сходил за журналом. В журнале инспектор Волков написал: «Старший Малеин, быв наказан, просился отпустить его от должности старшего и говорил мне дерзости. Иметь в виду при составлении общего списка». Я струсил, так как мне предстояло учиться ещё целый год в четвёртом классе и инспектор теперь мог меня погубить, то есть не перевести в семинарию, исключить из училища или оставить в четвёртом классе ещё на два года. Но, благодарение Господу, последний год моего обучения в училище прошёл благополучно.

На выпускные экзамены назначили нам ревизором архиерея Гавриила, человека симпатичного и доброго. Ему мы переводили с латинского из Корнелия Непота, и, он был очень доволен переводом и не вполне доволен нашим произношением. Экзамены затянулись и нас отпустили на вакации в последних числах июля. Великовозрастных Ивана Меньшагина и Валентина Плетнёва за великовозрастие исключили из училища. Исключили и ещё несколько человек за леность и неспособность к учению, но фамилий их не упомяну. Я и Ваня были переведены в семинарию в первом пятке.

Этим и закончилось моё пребывание в Тверском духовном училище в течение семи лет, с сентября 1842-го по сентябрь 1849 года...